

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ПРИЗРАЧНЫЙ МАЯК

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР ОТ «ШВЕДСКОЙ АГАТЫ КРИСТИ»
ТОП-10 САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ЕВРОПЫ

Более 30 миллионов экземпляров книг
в 60 странах на 30 языках

Фьельбака / Патрик Хедстрём

Камилла Лэкберг

Призрачный маяк

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Лэкберг К.

Призрачный маяк / К. Лэкберг — «Эксмо», 2009 — (Фьельбака / Патрик Хедстрём)

ISBN 978-5-699-82528-8

Когда Матс Сверин, финансовый директор масштабного социального проекта, затеянного коммуной Фьельбаки, был найден застреленным в затылок, перед детективом Патриком Хедстрёмом встало несколько непростых вопросов. Во-первых, каким был Матс? Буквально каждый его земляк отзывался о нем сугубо положительно – но при этом ничего о нем не знал. Стало быть, Сверину было что скрывать. Во-вторых, связано ли убийство с работой Матса – или тут замешаны личные мотивы? Второй вариант вполне возможен, ибо Патрик узнал, что совсем недавно в эти края вернулась давняя любовь Матса. Буквально в день своей смерти тот плывал на лодке к ней в гости, в старый дом на острове с заброшенным маяком. И тут Эрика, жена Хедстрёма, вспомнила, что остров этот считается в народе жутким местом, пристанищем призраков...

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-699-82528-8

© Лэкберг К., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Камилла Лэкберг

Призрачный маяк

© Хохлова Е. Н., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Посвящается Чарли

Только взявшись за руль, она заметила, что все руки липкие от крови. Но Энни не стала их вытирать. Вместо этого она ударила по газам и так резко выехала из гаража, что из-под колес полетел гравий.

Путь им предстоял долгий. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, она проверила ребенка на заднем сиденье. Сэм спал под одеялом. Его следовало бы посадить в детское кресло, но ей было жалко будить ребенка. Лучше она будет осторожно вести машину. Инстинктивно женщина ослабила нажим на педаль газа.

Летом ночи короткие, темнота уходит, не успев толком прийти, так что уже светало. Но для нее эта ночь длилась целую вечность. Все изменилось. Карие глаза Фредрика невидящим взглядом смотрели в потолок, и с этим она уже ничего не могла поделать. Нужно было спастись самой, спасти Сэма. Не думать о крови. Не думать о Фредрике.

Укрыться можно было только в одном месте.

Спустя шесть часов они были на месте. Фьельбака только начала просыпаться. Энни припарковалась возле спасательной станции и пару минут размышляла, что делать дальше. Сэм крепко спал. Достав пачку салфеток из бардачка, женщина вытерла руки. Засохшая кровь плохо оттиралась. Затем она достала сумки из багажника и потащила на пристань, где стояла на якоре лодка. Женщина боялась, что Сэм проснется, и потому заперла машину, чтобы он не вышел и не свалился в воду ненароком. С трудом погрузив сумки в лодку, Энни обвязала их цепью – чтобы не украли – и бегом побежала обратно к машине. С облегчением она увидела, что Сэм спит, как и прежде. Прямо в одеяле она отнесла сына к лодке. Стараясь не поскользнуться, осторожно спустилась в нее, положила Сэма на палубу и вставила ключ в зажигание. Мотор завелся с первой попытки. Она давно уже не управляла лодкой, но не забыла, как это делается. Отчалив от пристани, она направила лодку в открытое море.

Солнце уже светило, но еще не грело. Женщина почувствовала, как напряжение постепенно отступает, как страх разжимает свои тиски. Она взглянула на Сэма. Что, если произошедшее станет для него травмой на всю жизнь? Пятилетние дети такие хрупкие... Кто знает, как это на нем скажется. Она сделает все, что в ее силах, чтобы помочь ему. Прогонит боль своими поцелуями, как когда он упал с велосипеда и содрал кожу на коленях.

Путь ей был хорошо знаком. Она знала каждый остров, каждый заливчик. Лодка все дальше отдалялась от берега. Волны стали выше. Нос суденышка все сильнее бился о воду. Наслаждаясь ощущением соленой влаги на лице, она позволила себе зажмуриться на пару секунд. А когда снова открыла глаза, на горизонте уже показался Грошер. Сердце замерло в груди. Так всегда случалось при виде острова с маленьким домиком и белым маяком, гордо возносившимся в синее небо. Было еще слишком далеко, чтобы различить цвет дома, но Энни хорошо помнила этот светло-серый оттенок и белые ставни. И шток-розы с безветренной стены дома. Там было ее укрытие. Ее собственный рай. Ее Грошер.

* * *

В церкви в Фьельбаке не осталось свободных мест на скамьях. Амвон купался в цветах. Венки, букеты, ленты со словами прощания.

Патрик не мог заставить себя посмотреть на белый гроб среди цветочного моря. В каменной церкви стояла полная тишина. Не было привычного слабого шума, как на похоронах пожилых людей, когда гости обмениваются фразами вроде «она так мучилась, что смерть была ей благословением» в ожидании поминального кофе. Сегодня же в церкви было тихо. Все молча сидели на лавках, с тяжелым сердцем и ощущением несправедливости происходящего. Так не должно было быть.

Патрик откашлялся и поднял глаза к потолку, чтобы сдержать слезы. Его рука сжала руку Эрики. Кожа чесалась под костюмом. Ему показалось, что он задыхается. Патрик ослабил воротник, чтобы легче было дышать.

Начали бить в колокола. Эхо металось между стенами, пугая посетителей церкви. Взгляды присутствующих обратились к гробу.

Пастор Лена вышла из Сакристии и подошла к алтарю. Это Лена венчала их в этой самой церкви, но, казалось, это было в другой жизни, в другой реальности. Тогда атмосфера в церкви царила легкая и праздничная. Сегодня же Лена была серьезна и молчалива. Патрик пытался угадать по ее лицу, что она думает. Считает ли она случившееся несправедливым? Или верит, что все, что происходит, происходит не случайно, что во всем есть смысл? Слезы наворачивались на глаза. Патрик смахнул их тыльной стороной ладони. Эрика незаметно протянула ему платок.

Последние звуки органа стихли, и после минутной паузы Лена взяла слово. Голос ее, подрагивавший вначале, постепенно набирал силу. «Вся жизнь может перемениться в одно мгновение. Но Господь с нами всегда. И сегодня тоже». Патрик видел, как шевелятся ее губы, но не слышал слов. Не хотел слышать. Те жалкие крохи веры, что остались в нем с детства, испарились. Он не видел никакого смысла в том, что происходит. Патрик сжал руку Эрики в своей.

* * *

– С гордостью сообщаю вам, что мы работаем согласно плану. Через две недели состоится официальное открытие отеля «Бадхотеллет» в Фьельбаке.

Эрлинг Ларссон выпрямил спину и обвел взглядом членов управления коммуной, словно ожидая аплодисментов. Но ему пришлось довольствоваться парой одобрительных кивков.

– Он станет настоящей гордостью этих мест, – продолжил Эрлинг. – Полномасштабная реконструкция старинного здания, которое смело можно назвать историческим. И в добавление – современный и конкурентоспособный центр красоты и здоровья. Или спа, как это сейчас называется. – Он изобразил в воздухе знак кавычек. – Остается только финальная отделка. И нужно дать возможность местным жителям первыми опробовать новый комплекс. И, разумеется, подготовить торжественное открытие.

– Звучит хорошо, но у меня есть несколько вопросов. – Матс Сверин, парой месяцев раньше занявший должность финансового директора в коммуне, помахал авторучкой, привлекая внимание Эрлинга.

Тот сделал вид, что не слышит. Он ненавидел все, что имело отношение к бухгалтерии и отчетности. Он быстро объявил собрание закрытым и удалился в свой просторный кабинет. После неудачи с реалити-шоу «Долбанный Танум» никто не верил, что ему удастся подняться, но теперь в его руках был еще более грандиозный проект. Сам Ларссон никогда не сомневался в его успехе, даже под градом критики. Он был прирожденным победителем. Конечно, работа отнимала силы. Вот почему ему нужно было съездить в пансионат «Свет» в Даларне, чтобы отдохнуть. И это стало велением судьбы. Не съезди Эрлинг туда, он не встретил бы Вивиан. Встреча с ней стала важным поворотным моментом в жизни и в карьере. Никогда еще женщине не удавалось так его увлечь. И это ее мечту он сейчас воплощал в реальность. Он не мог пода-

вить искушение поднять трубку и позвонить любимой. Это будет уже четвертый раз за день, но от звука ее голоса у него по телу бежали мурашки удовольствия. Затаив дыхание, Эрлинг ждал ответа. «Привет, любимая, – сказал он, когда на другом конце взяли трубку. – Я только хотел узнать, как у тебя дела». – «Эрлинг, – сказала она тем особенным тоном, который заставлял его чувствовать себя влюбленным мальчишкой. – У меня все так же хорошо, как и час назад, когда ты звонил». – «Отлично, – ответил он, расплываясь в улыбке. – Я только хотел удостовериться в том, что у тебя все хорошо». – «Я знаю и люблю тебя за это. Но у нас много дел перед открытием. Ты же не хочешь, чтобы я задерживалась по вечерам?» – «Конечно, нет, милая».

Ларссон решил больше не мешать ей звонками. Вечера с ней были для него священными. «Работай, милая, я тоже буду», – послал он пару воздушных поцелуев в трубку и завершил звонок. Потом откинулся на спинку кресла, сцепил руки на затылке и позволил помечтать себе о предстоящем вечере.

* * *

Воздух в доме был спертым. Энни открыла все окна и двери, впуская в комнаты свежий ветер. От сквозняка чуть не слетела со стола ваза, но она поймала ее в последнюю секунду. Сэм лежал в каморке рядом с кухней. Все эти годы ее называли гостевой, хотя на самом деле это была комната Энни. Родители всегда спали на втором этаже. Она проверила Сэма, поправила шаль на плечах и сняла большой ржавый ключ с гвоздя на стене. Потом вышла на берег. Ветер продувал насквозь. Она устремила взгляд к горизонту. Единственным строением на острове, помимо дома, являлся маяк. Сарайчик у пристани был таким крохотным, что не считался за постройку. Женщина подошла к маяку. Судя по всему, Гуннар смазал замок, потому что ключ повернулся неожиданно легко.

Дверь скрипнула, когда она ее толкнула. Сразу за ней начиналась узкая крутая лестница. Держась за перила, Энни поднялась по ней. От вида, открывшегося сверху, у нее перехватило дыхание. Так случалось каждый раз на маяке. С одной стороны видно было только море и линию горизонта. С другой – шхеры с островами, скалами, заливами. Маяк уже много лет не функционировал. Теперь он возвышался на острове подобно памятнику прошлому. Лампы перегорели. Железо проржавело и медленно разрушалось под воздействием соленой воды и ветра. Ребенком она обожала играть здесь, наверху. Маяк был ее домиком для игр. Места здесь хватило только на кровать, на которой зрители спали во время смены, и стул, сидя на котором они наблюдали за фарватером.

Энни опустилась на постель. От покрывала пахло гнилью, но звуки вокруг были те же, что и в детстве: крики чаек, шум волн о скалы, скрип, дребезжание, которые издавал сам маяк. Все тогда было так просто. Родители боялись, что ей, единственному ребенку в семье, будет скучно на острове. Но боялись зря. Она обожала остров. И она никогда не была здесь одна. Это трудно объяснить.

* * *

Матс Сверин со вздохом отодвинул бумаги, лежащие перед ним на столе. Сегодня был один из тех дней, когда он просто не мог перестать о ней думать. В такие дни работа не клеилась. Но они случались все реже. Эта женщина начинала терять свое влияние над ним – по крайней мере, ему хотелось в это верить. Но расстаться с ней он не мог. Ее лицо постоянно стояло перед ним. С одной стороны, это было ему приятно, с другой – хотелось бы, чтобы картина была не такой четкой.

Матс попытался сосредоточиться на работе. В любой другой день это было бы весело. Экономика коммуны с ее постоянными колебаниями то в сторону рынка, то в сторону поли-

тики представляла сложную задачу. За месяцы работы здесь Матс много внимания уделял проекту спа-комплекса. Хорошо, что старые здания наконец-то отреставрировали. Как и большинство жителей Фьельбаки, как тех, что уехали из деревни, так и тех, кто остался, Сверин переживал, что такие красивые здания не используются. Теперь же они обрели былое величие. Возможно, Эрлинг прав и бизнес ожидает огромный успех. Но почему-то у Матса были в этом сомнения. Большие суммы ушли на реставрацию, а бизнес-план не предусматривал риски. Много раз Матс пытался высказать свое мнение по этому поводу, но никто его не слушал. К тому же у него было смутное ощущение, что что-то здесь не так, хотя расчеты он проверял бесчисленное количество раз, и единственное, что привлекло его внимание, – это размер расходов. Бросив взгляд на часы, Матс понял, что пора обедать. Аппетита он давно уже не испытывал, но знал, что еда нужна организму. Сегодня четверг, значит, в «Челларен» дают гороховый суп с блинчиками. Поесть нужно.

* * *

Только самые близкие могли присутствовать при опускании гроба в землю. Остальные поспешили домой. Эрика крепко сжала руку Патрика в своей. Они шли прямо за гробом, и каждый шаг становился ударом прямо в сердце. Анну она пыталась уговорить не подвергать себя такой муке, но сестра настояла на том, чтобы похороны были по всем правилам. Она даже вышла из той апатии, в которой пребывала, и Эрика прекратила ее уговаривать и начала помогать с приготовлениями, чтобы Анна и Дан могли похоронить сына подобающе. Только в одном она отказала сестре. Анна хотела, чтобы все дети присутствовали на похоронах, но Эрика решила, что младшим лучше остаться дома. Только старшие дочери Дана, Белинда и Малин, были в церкви. Лисен, Адриан, Эмма и Майя остались под присмотром Кристины, матери Патрика. И, конечно, близнецы. Эрика переживала, что Кристина с ними не справится, но свекровь заверила, что на пару часов ее хватит.

Эрике было больно видеть безволосую голову Анны. Врачи сбрили ей волосы, чтобы просверлить череп и облегчить давление, которое могло нанести непоправимый ущерб мозгу. Голова только начинала обрастать темным пушком. В отличие от Анны и водителя во втором автомобиле – он погиб мгновенно – Эрике повезло. Она отделалась сотрясением мозга и парой сломанных ребер. Пришлось, правда, делать незапланированное кесарево сечение, и близнецы появились на свет совсем маленькими, но они оказались крепкими и здоровыми и были дома уже через два месяца. Эрике хотелось плакать при виде лысой сестры и белого гробика. Анна не только получила травму черепа, она еще и сломала кости таза. Ей тоже сделали экстренное кесарево, но ребенок так сильно пострадал, что надежды не было. Через неделю малыш перестал дышать. Похороны пришлось отложить до выписки Анны из больницы. Она вернулась домой только вчера. А сегодня хоронили ее ребенка, который мог бы жить, окруженный любовью и заботой. Эрика видела, как Дан положил руку на плечо Анне, сидевшей в инвалидном кресле. Но Анна стряхнула руку. Со дня трагедии всегда так делала. Видимо, ее боль была такой сильной, что она не могла делить ее с другими. Но Дану это было необходимо. И не просто с другими, а с ней, с Анной. Эрика и Патрик пытались поговорить с ним, помочь. Но ему нужна была только Анна. А та не могла. И Эрика ее понимала. Она знала свою сестру, знала, что ей пришлось пережить. Судьба и так была к ней несправедлива. И как бы потеря ребенка не стала последней каплей. Как бы Эрике хотелось, чтобы все было по-другому... Анне Дан нужен был как никогда, а Дану нужна была Анна. А теперь они вели себя как незнакомцы, пока гроб с их крошечным сыном опускали в землю. Потянувшись, Эрика положила Анне руку на плечо. Та не шевельнулась.

* * *

Не зная, куда девать энергию, Энни принялась за уборку. Проветривание помогло, но затхлый запах намертво засел в шторах и постельном белье. Она бросила все в корзину и понесла на пристань. Вооружившись мылом и старой стиральной доской, которая лежала дома, сколько Энни себя помнила, она закатала рукава и начала стирать все вручную – не самое легкое занятие. Она то и дело оборачивалась на дом, проверить, не проснулся ли Сэм. Но сын спал на удивление долго. Может, это такая своеобразная реакция и надо дать ему выспаться? Еще час, решила Энни, а потом она его разбудит и заставит поесть.

И тут она вспомнила, что еды-то у нее и нет. Энни развесила белье и пошла проверить шкафы. Все, что она нашла, это банку консервированного супа «Кэмпбелл» и банку сосисок. На срок давности она смотреть побоялась. Но ведь консервы лежат годами. На сегодня им с Сэмом хватит. В деревню плыть ей не хотелось. Только здесь она чувствовала себя в безопасности. Ей нужен был покой. Видеть людей она не хотела. Застыв с банкой в руке, Энни какое-то время думала. Есть только одно решение: придется позвонить Гуннару. Он присматривал за домом со времени смерти родителей и, конечно, поможет ей. Телефон в доме, правда, больше не работал, но мобильный принимал хорошо. Она быстро набрала номер.

– Сверин.

Имя вызвало столько воспоминаний, что Энни не сразу обрела голос, чтобы продолжать разговор.

– Алло. Кто это?

– Это я, Энни.

– Энни! – воскликнула Сигне Сверин.

Та улыбнулась. Она всегда любила Сигне и Гуннара, и чувство это было взаимным.

– Милая, как ты? Ты звонишь из Стокгольма?

– Нет, я тут, на острове.

Слова удавались ей с трудом. И неудивительно: она спала всего пару часов, и усталость брала свое. Отсюда и эта эмоциональность. Энни откашлялась.

– Я приехала вчера.

– Но, милая, ты должна была нас предупредить. Мы бы прибрались. Там, наверное, ужасно...

– Ничего страшного, – перебила Энни. Она уже и забыла, как Сигне быстро болтает. – Вы хорошо за всем тут присматривали. Мне нужно было только немного постирать.

Сигне фыркнула:

– Могла бы и нас попросить о помощи. Все равно нам делать нечего. Внуков у нас с Гуннаром нет. Но, кстати, Матте вернулся домой из Гётеборга. Он получил работу в коммуне в Тануме.

– Как здорово! Почему он решил поменять работу?

Энни представила Матте. Загорелый блондин, всегда в хорошем настроении.

– Право, не знаю. Все произошло так быстро. Но с ним случилось одно несчастье, и мне показалось... Однако не будем об этом. Не переживай из-за старухи, которой не с кем посплетничать. Лучше скажи: что у тебя на сердце, Энни? Чем мы можем тебе помочь? И с тобой ли малыш? Я так хочу его увидеть...

– Да, Сэм здесь, но он приболел.

Энни умолкла. Больше всего ей хотелось бы, чтобы Сигне увидела Сэма, но сначала он должен успокоиться. Сначала ей надо убедиться, что то, что случилось, не слишком на него повлияло.

– Вот поэтому мне и нужна помощь. У нас туго с едой, а я не могу взять с собой больного Сэма...

Сигне не дала ей закончить.

– Конечно, мы поможем. Гуннар все равно собирался выйти в море после обеда. А я куплю вам продуктов. Только скажи, что нужно.

– Я могу потом дать Гуннару наличных.

– Конечно, милая. Так что мне купить?

Энни словно видела, как Сигне надевает очки и, сдвинув их на кончик носа, тянется за бумагой и ручкой. Благодарная, она быстро перечислила все, что вспомнила, включая пакет конфет для Сэма, чтобы избежать скандалов в субботу. Он всегда тщательно следил за днями недели и ждал субботних сладостей уже начиная с воскресенья. Закончив разговор, она хотела было пойти разбудить Сэма, но что-то подсказало ей, что лучше еще подождать.

* * *

Работа в участке замерла. Бертиль Мелльберг с неожиданным для него тактом спросил Патрика, надо ли им приходить на похороны. Но тот только покачал головой. Он недавно вернулся на работу, и все ходили вокруг него на цыпочках, включая Мелльберга. Паула и Бертиль первыми прибыли на место трагедии. Увидев искореженные автомобили, они решили, что в такой аварии выжить никто не мог. Заглянув в окно одной из машин, они сразу узнали Эрику. Прошло всего полчаса после того, как «Скорая» забрала Патрика из участка, и он не знал, жива его жена или мертва. Врачи не могли дать четкого ответа о серьезности полученных травм, а у спасателей ушло много времени на разрезание искореженного автомобиля.

Мартин и Йоста были на задании и узнали об аварии и о том, что случилось с Патриком, только спустя несколько часов. Они сразу поехали в больницу в Уддевалле и весь вечер ждали в коридоре. Патрик лежал в отделении интенсивной терапии. А Эрику и ее сестру Анну, ехавшую с ней в машине, экстренно оперировали.

Но теперь Патрик вернулся на работу. Оказалось, что у него не инфаркт, а спазм сосудов. После трех месяцев больничного врачи разрешили ему выйти на работу, но строго-настрого велели избегать любого стресса. Только как это сделать, задавался вопросом Йоста. С новорожденными близнецами дома, с больной свояченицей – как тут не испытывать стресс.

– Может, нам все же надо было пойти? – спросил Мартин, помешивая кофе. – Может, Патрик отказался только из вежливости?

– Мне кажется, нет.

Йоста почесал полицейскую собаку Эрнста за ухом.

– Там и так полно народа. Здесь от нас гораздо больше пользы.

– Какой пользы? За весь день – ни одного звонка.

– Это затишье перед штормом. В июле ты еще вспомнишь с тоской о днях без хулиганства, грабежей и пьяной поножовщины.

– В точку, – сказал Мартин.

Он был самым молодым сотрудником, но уже чувствовал себя опытным полицейским. За пару лет, что Мартин здесь работал, он принимал участие в очень сложных расследованиях. К тому же недавно стал папой. Казалось, в тот момент, как Пия родила дочь, он вытянулся на несколько сантиметров.

– Ты видел приглашение? – Йоста потянулся за печеньем «Баллерина» и принялся аккуратно отделять светлую печенку от темной.

– Какое приглашение?

– Мы удостоились чести быть подопытными кроликами в новом спа-центре, который открывается в Фьельбаке.

– «Бадис»? – заинтересовался Мартин.

– Он самый. Новый проект Эрлинга. Будем надеяться, что это у него получится лучше, чем тот идиотский «Долбанный Танум».

– А мне кажется, это неплохая идея. Большинство парней приходят в ужас при одной мысли о чистке лица, но я как-то попробовал в Гётеборге, и, скажу вам, это чертовски хорошая штука. Кожа после этого была нежная, как попка младенца.

Йоста с недоверием посмотрел на своего младшего коллегу. Чистка лица? Только через его труп. Никому он не даст намазывать какую-нибудь дрянь себе на лицо.

– Ну, посмотрим, что нам предложат. Надеюсь, хоть покормят. Я не против вкусного десерта.

– Вряд ли. В таких местах они больше заботятся о фигуре, чем о хорошей жратве.

Йоста изобразил кислую мину. Он весил столько же, как когда окончил университет. Фыркнув, взял еще одно печенье.

* * *

В доме их встретил полный хаос. Майя с Лисен прыгали на диване, Эмма с Адрианом дрались из-за DVD-фильма, а близнецы вопили во все горло. Мама Патрика выглядела так, словно готова была броситься со скалы в море.

– Слава богу, вы дома! – воскликнула она, вручая орущих младенцев Патрику и Эрике. – Не понимаю, что с ними. Они словно с ума сошли. Я пыталась их накормить, но пока я кормлю одного, другой вопит и не дает первому сосредоточиться на еде и... – Она сделала паузу, чтобы вдохнуть воздуха.

– Присядь, мама, – попросил Патрик.

Он пошел за бутылочкой для Антона. Мальчик был весь красный, крики сотрясали его маленькое тельце.

– Захватишь бутылочку для Ноэля тоже? – Эрика пыталась укачать орущего малыша.

Антон и Ноэль были еще маленькими. Не то что Майя, которая уже родилась крупной девочкой. Как птенчики, они лежали в куветах под капельницей и с иглками в руках. Но дети были сильными и скоро начали набирать вес. Аппетит у них был хороший. Однако, естественно, родители все равно переживали.

– Спасибо, – Эрика приняла протянутую ей бутылочку и присела в кресло с Ноэлем в руках. Он тут же начал жадно сосать бутылочку. Патрик присел напротив с Антоном, который быстро последовал примеру брата. Эрика подумала, что отсутствие молока у нее давало свои преимущества. Они могли делить ответственность за детей. С Майей так не получалось. Казалось, дочка не отлипала от ее груди никогда.

– Как все прошло? – спросила Кристина. Спустив Майю и Лисен с дивана, она велела им идти играть в комнату Майи. Эмма и Адриан уже исчезли.

– Что сказать? Я переживаю за Анну, – ответила Эрика.

– Я тоже, – Патрик уселся поудобнее. – Такое ощущение, что она закрывается от Дана, отталкивает его от себя.

– Знаю. Я пыталась говорить с ней. Но после того, что случилось... – Эрика покачала головой.

За что ей это? Анна столько лет жила в аду. И только в последние годы она наконец обрела покой. И она так ждала этого ребенка. Нет, жизнь обошлась с ней несправедливо.

– Эмма и Адриан чувствуют себя неплохо, – Кристина посмотрела вверх, откуда доносился детский смех.

– Да, судя по всему. Они рады, что мама наконец вернулась домой. Но боюсь, что реакция еще последует, – высказала свое мнение Эрика.

– Наверное, ты права, – сказала Кристина и повернулась к сыну. – А ты как? Разве ты не должен отдыхать дома? Никто тебе не скажет спасибо за то, что ты убиваешься в этом участке. Твоя болезнь – это предупреждение.

– Сейчас там поспокойнее, – вставила Эрика, – но я сказала ему то же самое.

– Я хорошо себя чувствую. Работа мне на пользу. Но ты знаешь, что я задержался бы дома побольше, если бы ты попросила, – сказал Патрик, ставя пустую бутылочку на стол и выпрямляя Анто́на, чтобы он мог срыгнуть.

– Мы справляемся, – произнесла Эрика, и она не лукавила.

После рождения Майи ей казалось, что она все время как в тумане. Но на этот раз все было по-другому. Может, обстоятельства, при которых появились на свет близнецы, не оставили места для депрессии. Кроме того, у младенцев был строгий распорядок дня в больнице, что тоже хорошо сказалось на их поведении. Они послушно спали и ели в нужное время, при том одновременно. Нет, Эрика была уверена в том, что справится с детьми одна. И она наслаждалась каждой секундой времени, которое проводила с детьми. Ведь она чуть их не потеряла. Зажмурившись, Эрика прижалась носом к головке Ноэля. Пушок на его макушке напомнил ей об Анне. Эрика еще крепче зажмурилась. Нужно придумать, как помочь сестре. Эрика чувствовала себя такой беспомощной. Она сделала глубокий вдох. От Ноэля так хорошо пахло...

– Милый, – пробормотала она ему в макушку, – мой сыночек.

* * *

– Как дела на работе? – спросила Сигне, чтобы снять напряжение.

Она была занята тем, что выкладывала на тарелки хорошие порции мяса, картофельного пюре и горошка со сливочным соусом. С тех пор как Матте переехал в дом, у него не было аппетита. Она готовила его любимые блюда, но он едва к ним притрагивался. И это когда он ужинал у них, а что он ел один в своей квартире – оставалось для нее загадкой. И он был такой худой, что жалко смотреть. Слава богу, он немного оправился от случившегося. Когда они навещали его в больнице, она не могла сдержать слез. На его теле живого места не было, а лицо распухло до неузнаваемости.

– Все хорошо.

Сигне дернулась при звуке его голоса. Он так медлил с ответом на вопрос, что она уже и забыла, что задала его. Матте ковырялся в пюре и отрезал от мясного рулета крошечные кусочки. Она, затаив дыхание, смотрела, как он подносит вилку ко рту.

– Хватит смотреть, как он ест, – проворчал Гуннар; он уже накладывал себе добавки.

– Прости, – извинилась Сигне, качая головой. – Я так рада, что ты ешь.

– Я не умру от голода, мама. Видишь, я ем. – Словно в подтверждение своих слов, он подцепил большой кусок и поднес ко рту.

– Ты же не перерабатываешь в коммуне?

Сигне поймала на себе еще один раздраженный взгляд Гуннара. Он считал, что жена ведет себя как наседка, и хотел, чтобы она оставила сына в покое. Но Сигне ничего не могла с собой поделать. Матте – ее единственный сын, и не раз с той самой декабрьской ночи, когда он появился на свет, она просыпалась в холодном поту от страха, что с ним что-нибудь случилось. Для нее не было на свете ничего важнее его благополучия. Как и для Гуннара, который тоже боготворил сына. Просто он был сильнее ее и не позволял страху за ребенка брать власть над собой. Сама же Сигне все время пребывала в страхе. Когда Матте был маленьким, она подозревала у него порок сердца и заставляла врачей по сто раз все проверять. Первый год жизни ребенка она почти не спала: все время вставала и проверяла, дышит ли он. Когда он был школе, еду на обед она разрезала ему на мелкие кусочки, чтобы сын случайно не подавился и не умер. По ночам ей снились кошмары, в которых он попадал под автомобиль. Когда

Матте достиг подросткового возраста, ее кошмары стали еще хуже: драки, пьяное вождение, алкогольное отравление. Порой ее крики будили Гуннара. Кошмары не давали ей спать, и она сидела допоздна и ждала, пока Матте вернется домой. Взгляд ее метался между дверью, окном и телефоном. И при каждом шорохе сердце у нее вздрагивало.

Ночи стали спокойнее лишь с его отъездом из дома. Это было странно. Ведь теперь Сигне вообще не знала, где он и что. Но была уверена, что он не будет рисковать собой. Она приучила его к осторожности. И он не стал бы никому причинять боли. По ее логике, это означало, что и ему никто не причинит зла. Сигне улыбнулась при воспоминании обо всех животных, которых он притаскивал домой в детстве. Раненых, брошенных, голодных и больных. Три кошки, два задавленных ежа, воробей со сломанным крылом. Не говоря уже о змее, которую Сигне обнаружила случайно, когда клала чистое белье в шкаф. После того случая она заставила его дать слово, что он больше не будет притаскивать в дом рептилий. Матте неохотно согласился. Она очень удивилась, когда сын не стал ветеринаром или врачом. Но ему понравилось в экономическом университете. Математика давалась ему легко. Работа в коммуне ему нравилась. Но все равно что-то в нем ее настораживало. Она не могла сказать, что именно, но недавно к ней вернулись кошмары. Каждую ночь Сигне просыпалась в холодном поту. Что-то явно было не так, но ее вопросы оставались без ответа. Ей оставалось только смотреть за тем, хорошо ли он питается. Ему нужно набрать вес.

– Может, поешь еще немного? – умоляюще попросила она, когда Матте отложил вилку. На тарелке оставалось больше половины.

– Прекрати, Сигне, оставь его в покое, – вставил Гуннар.

– Ничего страшного, – выдавил улыбку Матте.

Ему не хотелось, чтобы мама страдала, хоть он и знал, что папа как та собака, что лает, но не кусает, и вся его строгость лишь напоказ. Добрее его человека не была.

Сигне ощутила угрызения совести. Это ее вина, это она слишком переживает по всяким пустякам.

– Прости, Матте. Ешь сколько захочешь.

«Матте» – так он называл себя, когда едва начал говорить и еще не мог правильно произнести свое имя. Вскоре и другие тоже стали называть его так.

– Знаешь, кто приехал в гости? – спросила она, убирая со стола.

– Понятия не имею. Кто?

– Энни!

Матте дернулся.

– Энни? Моя Энни?

Гуннар фыркнул:

– Я знал, *что* может привлечь твое внимание. Ты всегда был к ней неравнодушен.

– Отстань.

Сигне вспомнила, как он подростком, с челкой, закрывающей глаза, запинаясь, сообщил ей, что встретил девушку.

– Я ей сегодня отвозил еды, – добавил Гуннар. – Она на Гастхольмене.

– Уф, не говори так¹. Это место называется Грошер.

– Когда она приехала? – спросил Матте.

– Вчера, думаю. Она вместе с сыном.

– И на сколько?

– Она не сказала.

Гуннар положил пластинку снюса под губу и откинулся на спинку стула.

– С ней все хорошо? – спросил Матс.

¹ Гастхольмен в переводе со шведского означает «остров духов».

Отец кивнул.

– Выглядит она хорошо, как обычно. Наша Энни красавица. Только глаза грустные, но, может, это мне померещилось. Может, какие проблемы дома. Откуда мне знать?

– Да, лучше о таких вещах не сплетничать, – сказала Сигне. – А мальчика ты видел?

– Нет, Энни встретила меня на пристани. Но ты можешь съездить к ней в гости, – Гуннар повернулся к Матте. – Она наверняка будет рада гостям. Она там одна на Гастхоль... Ой, прости, на Грошере, – поправил он, бросая взгляд на жену.

– Все это глупые суеверия. Не стоит их поощрять, – высказалась Сигне, нахмутив брови.

– Энни в них верит, – тихо произнес Матте. – Она всегда говорила, что ощущала их присутствие.

– Чье присутствие?

Сигне не хотелось об этом говорить, но любопытство пересиливало.

– Присутствие мертвых. Энни говорила, что видит их и слышит и что они не желают никому зла, что они просто не ушли в иной мир.

– Фу. Давайте лучше примемся за десерт. Я приготовила кисель из ревения.

Сигне вскочила.

– Все это глупости, но в одном вы правы: Энни будет рада гостям.

Погруженный в свои мысли, Матс не ответил.

Фьельбака, 1870 год

Эмели была в ужасе. Она никогда раньше не видела моря. Никогда не была в лодке, если эту дырявую посудину можно было назвать лодкой.

Она крепко вцепилась в перила. Казалось, волны швыряют ее из стороны в сторону вместе с лодкой. Она утратила контроль над своим телом. Поискала глазами глаза Карла, но он, стиснув зубы, вглядывался в то, что ждало их на горизонте. Слова продолжали звучать у нее в ушах. Может, это и болтовня старухи, но она крепко засела у нее в голове. Старуха спросила, куда они едут, в гавани Фьельбаки, когда они грузили вещи в лодку.

– Грошер, – ответила она весело. – Мой муж – новый смотритель маяка.

Но старуху это не впечатлило. Она только фыркнула и с неприятным смешком добавила:

– Грошер? В этих местах его Грошером никто не называет...

– Вот как?

У Эмели появилось чувство, что не стоит дальше расспрашивать, но она не смогла справиться с любопытством:

– И как же его называют тогда?

Старуха сначала не ответила, а потом, понизив голос, произнесла:

– Здесь он зовется Гастхольмен.

– Гастхольмен? – Нервный смех Эмели унесли волны. – Какое странное название. Почему?

У старушки заблестели глаза.

– Потому что у нас говорят, что души умерших на нем никогда не покидают остров.

Она развернулась и ушла, оставив Эмели стоять посреди мешков и коробок. В одно мгновение радость сменилась отчаянием, и в горле встал комок. Казалось, смерть наступит в любую секунду. Море было таким огромным, таким свирепым. Оно, казалось, всасывало ее в себя. Эмели не умела плавать, и если лодка перевернется на волнах, она сразу утонет, как бы Карл ни утверждал обратное. Вцепившись еще сильнее в перила, Эмели уставилась взглядом в пол, или в палубу, как ее называл муж.

– Там, впереди, – Грошер, – сообщил Карл.

Это означало, что надо поднять глаза, и Эмели, сделав глубокий вдох, оторвала взгляд от пола и посмотрела туда, куда он показывал. Первое, что ее поразило, – красота острова.

Небольшой, он был весь залит солнцем. Серые скалы сверкали на солнце. Маленький домик был весь увит розами. Эмили поразились, как им удавалось выжить в столь суровых условиях. С западной стороны острова скалы резко обрывались в море, но с восточной мягко спускались к воде. Внезапно волны успокоились. Эмили, уже влюбленная в Грошер, с нетерпением ждала, когда снова почувствует твердую почву под ногами. Она загнала слова старухи глубоко в подсознание. Такая красота просто не могла таить в себе что-то плохое.

Ночью она снова их слышала. Эти голоса, этот шепот из детства. Часы показывали три, когда она проснулась. Сначала Энни не поняла, что ее разбудило, а потом услышала. Они говорили внизу. Скрипнул стул. О чем могли мертвые разговаривать между собой? О том, что случилось перед тем, как они умерли, или о том, что происходит сейчас?

Энни ощущала их присутствие на острове, сколько себя помнила. Мама рассказывала, что она в детстве вдруг начинала махать рукой или смеяться так, словно видела то, что никто больше не видел. Голос, тень, чье-то присутствие в комнате. Но они не желали ей зла. Энни знала это тогда и знала сейчас. Долгими ночами она лежала в постели без сна, вслушиваясь в их голоса, пока не засыпала под их журчание. Наутро она помнила только это журчание, словно в далеком сне. Энни приготовила завтрак себе и Сэму, но сын отказывался есть свои любимые хлопья.

– Милый, ну пожалуйста, хотя бы одну ложечку! – умоляла она его, но все безуспешно. Со вздохом Энни отложила ложку в сторону. – Ты должен есть, понимаешь? – погладила она мальчика по щеке.

Он не произнес ни слова с тех пор, как они прибыли на остров. Но Энни загоняла тревогу в глубь подсознания. Надо дать ему время, не давить на ребенка, просто быть рядом, пока он не забудет все плохое. Пребывание на Грошере пойдет ему на пользу. Тут нет ничего и никого, кроме скал, солнца и соленого моря.

– Знаешь что? Забьем на еду и пойдем искупаемся! – объявила она.

Не получив ответа, Энни просто взяла малыша на руки и вынесла на солнце. Нежно раздев ребенка, она отнесла его на руках в воду, словно младенца, а не пятилетнего карапуза, которым он был. Вода была прохладной, но ребенок не протестовал, позволяя ей окунать его в воду. Энн прижала его голову к своей груди. Отдых – лучшее лекарство. Они подождут здесь, пока шторм не утихнет, пока все не станет как прежде.

* * *

– Не ждала тебя раньше понедельника, – Анника сдвинула очки на кончик носа и окинула Патрика взглядом. Он стоял в дверях ее кабинета, который по совместительству являлся рецепцией.

– Эрика меня выставила. Сказала, что больше не в силах видеть мою унылую рожу дома, – он попытался изобразить улыбку, но после вчерашнего это было нелегко.

– И я могу ее понять, – отозвалась Анника, но в глазах ее была грусть: смерть ребенка никого не оставляет равнодушным. А с тех пор, как они с мужем Леннартом узнали, что скоро смогут забрать свою долгожданную приемную дочь, Анника стала чрезмерно чувствительной, особенно когда дело касалось детей.

– Все спокойно?

– Более-менее. Обычная рутина. Стрёмбергш за звонила третий раз за неделю и утверждала, что зять хочет ее убить. И пара подростков попались на магазинных кражах в Хедемурсе.

– Жизнь бурлит, другими словами.

– Да, больше всего парней занимает приглашение попробовать новый спа-центр «Бадис».

– Звучит неплохо. Я готов собой пожертвовать.

– В любом случае здорово, что «Бадис» отремонтировали, – сказала Анника. – Он выглядел так, словно в любую секунду развалится.

– Согласен. Но сомневаюсь, что из этого выйдет какой-то толк. Реставрация обошлась в гигантские суммы, а вот захочет ли кто-то приехать сюда в спа – это еще вопрос.

– Если нет, то Эрлинг с ума сойдет. У меня есть подруга в коммуне. Она говорит, что Эрлинг вложил в этот проект большую часть своего бюджета.

– Легко верю. Они там все стоят на ушах – готовятся к открытию. Это ведь тоже не бесплатно.

– Все в участке приглашены. Так что не забудь приодеться.

– А где ребята? – сменил тему Патрик. Праздники и наряды его мало интересовали.

– На задании. Все, кроме Мелльберга. Он в своем кабинете, как обычно. Здесь ничто не меняется. Хотя он утверждает, что вынужден был выйти на работу так рано, потому что боялся, что участок без него развалится. Или, как я слышала от Паулы, им пришлось найти решение проблемы, иначе Лео пришлось бы начинать карьеру борца сумо. Думаю, последней каплей для Риты стала картина, которую она увидела по возвращении домой: Бертиль крошил в миксере гамбургер, чтобы накормить Лео. Она тут же отправилась домой и попросила работу на полставки еще на пару месяцев.

– Ты шутишь!

– Нет, это чистая правда. Так что теперь нам приходится испытывать на себе его заботу. Но Эрнст рад. Мелльберг оставил его в участке, пока сидел дома с Лео, и пес чуть с тоски не умер. Только лежал в корзинке и скулил.

– Да, хорошо, что все по-прежнему, – сказал Патрик и отправился в свою комнату. Прежде чем войти, он сделал глубокий вдох.

* * *

Ей не хотелось вставать с постели. Только лежать так всю жизнь в постели и смотреть на небо, временами серое, временами голубое. Иногда ей даже хотелось вернуться в больницу. Там все было проще, спокойнее. Все тревожились за нее, говорили при ней шепотом, помогали есть и мыться. Здесь же, дома, было слишком шумно. Детские крики сотрясали стены. То и дело они заглядывали к ней в спальню. Глаза у них были круглые от любопытства. Казалось, они чего-то от нее требуют, чего-то, что она не в силах им дать.

– Анна, ты спишь?

Голос Дана. Больше всего ей хотелось притвориться спящей, но его было не провести.

– Нет.

– Я приготовил еду. Томатный суп и тосты с творожным сыром. Может, спустишься поесть с нами? Дети про тебя спрашивают.

– Нет.

– Нет про спуститься или про поесть?

Анна уловила разочарование в его голосе, но оно ее не тронуло. Ничто больше ее не трогало. Внутри ее была одна огромная пустота. Ни слез, ни горя, ни злобы...

– Нет.

– Ты должна поесть. Должна...

Голос отказал ему. Дан с грохотом шлепнул поднос на прикроватную тумбочку, так что суп пролился.

– Нет.

– Я тоже потерял ребенка, Анна. А наши дети – братика. Ты нужна нам... Мы...

Он подыскивал слова. Но в ее голове звучало только одно слово. Только одно слово вырывалось из пустоты:

– Нет. – Она отвернулась.

Через какое-то время Анна услышала, как Дан вышел из комнаты. Она снова уставилась в окно.

Энни переживала за Сэма. Ребенок ни на что не реагировал.

– Сэм, милый...

Она гладила его по волосам, укачивала, утешала. Но тот не издавал ни звука. В голову пришла мысль, что его надо показать врачу, но Энни тут же ее прогнала. Ей никого не хотелось впускать в их маленький мирок. Ему просто нужны покой и время. Скоро он станет таким, как прежде.

– Хочешь поспать немного, сынок?

Сэм ничего не ответил, но Энни все равно отнесла его в постель и уложила. Потом сварила себе кофе, налила молока и вышла с кружкой на мостки. День был чудесный. Лучи солнца согревали лицо. Фредрик обожал солнце, просто боготворил. Он все время жаловался, как в Швеции холодно и как мало солнечных дней в году. Откуда эти мысли? Она же запретила себе о нем думать. Ему нет места в их жизни. Фредрик с его придирками, требованиями, желанием контролировать всех и вся. Особенно их с Сэмом. Но здесь, на Грошере, ему нет места. Фредрик никогда не бывал на острове. Грошер принадлежал только ей. Фредрик не испытывал никакого желания сюда ехать. «Чтобы я торчал на каком-то острове!» – говорил он, когда она спрашивала. Теперь Энни была этому рада. Грошер не был запачкан его присутствием. Чистый и непорочный, он принадлежал только ей с Сэмом.

Энни крепко сжала кружку с кофе. Годы пролетели так быстро. Она и не заметила, как увязла в этом болоте. У нее не было выхода, не было возможностей для побега. В ее жизни были только Сэм и Фредрик. Куда ей было бежать? Но теперь они наконец свободны. Морской бриз освежал лицо. Им это удалось. Ей и Сэму. Как только он поправится, они смогут жить своей жизнью.

* * *

Энни вернулась. Он думал о ней весь вечер после ужина у родителей. Энни с ее длинными светлыми волосами и веснушками на носу и на руках. Энни, которая пахла морем и солнцем, Энни с горячей кожей в его объятиях. Правду говорят люди: первая любовь не забывается. И те три лета на Грошере были поистине волшебными. Он приезжал к ней так часто, как мог. Маленький остров принадлежал только им двоим.

Но иногда Энни его пугала. Ее звонкий смех мог прерваться на середине, и она словно уходила в себя, в темноту, где до нее было не достучаться. Девушка не могла описать словами то, что с ней происходило, и со временем Матте научился не трогать ее в такие моменты. В последнее лето они случались все чаще и чаще. Энни отдалялась от него. Когда они попрощались на вокзале в августе и Энни села на поезд в Стокгольм, он уже знал, что все конечно. С тех пор они не общались. Он пытался позвонить ей, когда родители Энни погибли, но наткнулся на автоответчик. То же случилось и в следующую попытку. Она никогда не перезванивала. Дом на Грошере пустовал. Матте знал, что мама с папой за ним присматривают и что Энни переводит им деньги в качестве вознаграждения. Но сама она никогда их не навещала, и со временем воспоминания о ней поблекли.

Но теперь Энни здесь. Матте уставился прямо перед собой. Подозрения, которые у него были, усиливались, и нужно было что-то делать, но мысли об Энни не давали ему покоя. И когда солнце начало садиться над Танумсхеде, он собрал бумаги и встал из-за стола. Он должен

увидеть Энни. Полный решимости, Матс вышел из кабинета. По дороге к машине он перекинулся парой слов с Эрлингом. Потом сел в машину и дрожащей рукой вставил ключ в зажигание.

* * *

– Ты рано, дорогой!

Вивиан прохладными губами легко коснулась его щеки, но Эрлинг не устоял перед искушением обнять ее за талию и прижать к себе.

– Спокойно, малыш! Твоя энергия нам еще понадобится! – Женщина уперлась руками ему в грудь.

– Уверена? Последнее время я чувствую себя таким усталым по вечерам.

Он снова притянул ее к себе. Но, к его разочарованию, Вивиан отстранилась и пошла в кабинет.

– Потерпи. У меня столько дел. Я просто не могу сейчас позволить себе расслабиться. А ты знаешь, какая я, когда напряжена.

– Да-да.

Эрлинг с тоской во взгляде проводил любимую. Конечно, можно и подождать, но он уже неделю засыпает на диване раньше ее. Каждое утро он просыпался с диванной подушкой под головой, под пледом, которым его заботливо накрывала Вивиан. Эрлинг ничего не понимал. Может, это стресс от работы?

– Я кое-что принес нам! – крикнул он вслед Вивиан.

– Какой ты молодец... И что?

– Кроватки из «Братьев Ульссон» и бутылку хорошего шабли.

– Чудесно. Я закончу около восьми. Сможешь накрыть все к ужину?

– Конечно, любимая.

Он понес пакеты в кухню. Это было непривычно. Когда он был женат на Вивеке, она одна занималась готовкой, но Вивиан, переехав к нему, возложила все обязанности по дому на его плечи. Он до сих пор недоумевал, как это получилось. Вдохнув, Эрлинг начал укладывать продукты в холодильник. Но потом подумал о продолжении вечера, и настроение у него немного улучшилось. Уж он позаботится о том, чтобы она расслабилась. Ради такого можно и немного потрудиться на кухне.

Эрика, тяжело дыша, шла по деревне. Беременность близнецами и экстренное кесарево не лучшим образом сказались на ее форме. Но фигура волновала ее в последнюю очередь. Главное, что сыновья здоровы. Каждое утро она просыпалась, преисполненная благодарности небесам за то, что они выжили, и от этого ей хотелось плакать. Анне не повезло так, как ей. И впервые в жизни Эрика не знала, как помочь сестре. Их отношения не были легкими, но с детства Эрика заботилась об Анне, утирала ей слезы и дула на ранки. Однако на этот раз все было по-другому. Рана была не простой ссадиной на коленке, нет, – ранена была сама душа Анны. Эрике казалось, что она стоит и смотрит, как жизненные силы покидают сестру. Что ей сделать, чтобы исцелить ее душу? Сын Анны погиб. И как бы больно Эрике ни было, она не могла скрыть радости от того, что ее собственные дети выжили. После аварии Анна отказывалась смотреть ей в глаза. Эрика часто навещала ее в больнице, сидела подле ее кровати, но ни разу их глаза не встретились. И хотя Анна давно вернулась домой, Эрика так и не нашла в себе сил навестить ее. Она только звонила пару раз Дану, но он был очень подавлен. Теперь же визит больше нельзя было откладывать. Она попросила Кристину прийти присмотреть за близнецами и Майей. Все-таки Анна ее сестра, и Эрика за нее отвечает.

Эрика постучала в дверь и замерла в ожидании. За дверью раздавались детские крики. Вскоре Эмма открыла дверь.

– Тетя Эрика! – воскликнула она радостно. – А где малыши?

– Дома с Майей и бабушкой, – Эрика погладила Эмму по щеке. Как же она похожа на Анну в детстве.

– Мама грустит, – сообщила Эмма, заглядывая тете в глаза. – Она лишь спит да спит. Папа говорит, это потому, что ей грустно, грустно из-за того, что ребенок у нее в животе решил отправиться на небо вместо того, чтобы жить с нами. И я хорошо его понимаю, потому что Адриан плохо ведет себя, и Лисен все время меня дразнит. Но я бы обращалась с ним хорошо. Очень хорошо!

– Я знаю, малышка. Но представь, как весело ему там, на небе, прыгать по облакам.

– Прыгать по облакам? – просияла Эмма.

– Прямо как на батуте.

– О, я тоже хотела бы прыгать по облакам. У нас в саду есть батут, но он очень маленький. Только один человек помещается. А Лисен все время хочет быть первой. До меня очередь никогда не доходит...

Продолжая жаловаться, Эмма повернулась и пошла в гостиную. Только сейчас Эрика поняла, что сказала девочка. Она назвала Дана папой. Эрика улыбнулась. Конечно, в этом не было ничего удивительного. Дан обожал детей Анны, и они отвечали ему тем же. Совместный ребенок еще крепче связал бы их. Эрика сглотнула и последовала за Эммой. Дом выглядел как после бомбежки.

– Извини за беспорядок! – смутился Дан. – Я ничего не успеваю. Кажется, в сутках слишком мало часов.

– Я тебя понимаю. Ты бы видел наш дом... – Эрика посмотрела вверх. – Можно мне подняться?

– Давай.

Дан вытер лоб ладонью. Вид у него был изможденный.

– Я с тобой, – вызвалась Эмма.

Но Дан присел на корточки и тихо начал уговаривать пустить Эрику к маме одну.

Комната Дана и Анны располагалась справа по коридору. Эрика подняла было руку, чтобы постучать, но передумала и вместо этого мягко толкнула дверь. Анна лежала головой к окну. Пушок на голове блестел в лучах вечернего солнца. Сердце Эрики сжалось от боли. Она всегда была Анне скорее мамой, чем старшей сестрой, но в последнее время их отношения стали более равноправными. Теперь же в один день все изменилось. Они словно вернулись к своим старым ролям. Анна – маленькая и беспомощная, Эрика – старшая и ответственная за нее. Дыхание у нее было ровное. Эрика поняла, что сестра спит. Она осторожно подошла к кровати и присела на краешек, чтобы не будить ее. Нежно положила руку сестре на бедро. Хочет того Анна или нет, она будет с ней рядом. Они сестры. Они подруги.

* * *

– Папа дома!

Патрик открыл дверь и переступил порог дома. Тут же раздался топот маленьких ножек по полу, и через мгновение из-за угла вылетела Майя.

– Папа! – полезла она с поцелуями, словно отец вернулся из кругосветного плавания, а не с работы.

– Привет, папина любимица! – обнял дочь Патрик и зарылся носом ей в шею, вдыхая тот особый запах Майи, от которого у него всегда замирало сердце.

– Я думала, ты будешь работать только полдня.

Мама вытерла руки о передник и наградила его таким взглядом, словно он был подростком, вернувшимся домой позже условленного срока.

– Знаю, но так хорошо вернуться на работу. Вот я немного и задержался. Но я не перенапрягался. И в участке все спокойно.

– Тебе лучше знать. Но все-таки прислушивайся к своему телу. Здоровье – самое главное.

– Да-да.

Патрик надеялся, что мама скоро от него отстанет. Она зря волнуется. Патрик хорошо помнил тот страх, который пережил в карете «Скорой помощи» по пути в больницу в Уддевалле. Он думал, что умрет. Перед глазами вставали Майя, Эрика, младенец, которого он никогда не увидит. И страх смерти был даже сильнее жгучей боли в груди. И только очнувшись в палате интенсивной терапии и обнаружив, что он еще жив, Патрик понял, что так тело пыталось сказать ему, что нужно снизить темп. Но затем ему сообщили об аварии, и на смену страху смерти пришла новая боль. Когда его на кресле-коляске ввезли к младенцам, первым его желанием было развернуться и убежать. Они были такими маленькими, такими хрупкими. Они тяжело дышали, их беспомощные тела сотрясали судороги. Глядя на них, сложно было поверить, что они выживут. Патрик боялся подойти ближе, боялся к ним притронуться, боялся, что не выдержит, если с ними потом что-то случится.

– А где братики? – спросил он Майю, по-прежнему держа ее в объятиях, и тонкие ручки крепко обнимали его за шею.

– Спят. Но они какали. И сколько! Бабушка вытирала им попки. Запах отвратительный, – скривилась Майя.

– Они вели себя как ангелочки, – рассмеялась Кристина. – Выпили по две бутылочки смеси и заснули без проблем. Конечно, после того, как покакали, как сказала Майя.

– Пойду погляжу на них, – сообщил Патрик. Он привык быть весь день с детьми, пока сидел на больничном, и на работе сильно по ним скучал.

Патрик поднялся на второй этаж и вошел в спальню. Они с Эрикой решили не разлучать братьев и клали спать в одну кроватку. Теперь они спали рядышком, почти касаясь носами. Ноэль одной рукой обнял Антона, словно защищая его. Интересно, какими они вырастут. Ноэль уже сейчас казался более решительным, чем Антон, совершенно блаженный младенец. Антону достаточно было только еды и сна. Он редко кричал, только агукал и улыбался. Ноэль же не уставал криками демонстрировать, что он недоволен. А недоволен он был всем: переодеванием, сменой подгузников, купанием... Хуже всего дело обстояло с купанием. Слыша его крики, можно было решить, что вода опасна для жизни. Патрик долго стоял и разглядывал младенцев в детской кроватке. Во сне у детей шевелились глаза под веками. Интересно, им снится один и тот же сон?

* * *

Энни сидела на лестнице, согреваемая лучами вечернего солнца, и смотрела, как к острову приближается лодка. Сэм уже лег спать. Энни поднялась и пошла к мосткам.

– Поймаешь канат?

Голос был знакомым, но в нем появились новые нотки. Видимо, он многое пережил с тех пор, как они расстались. Сперва ей хотелось крикнуть: «Нет, не смей причаливать! Тут тебе нет места!» Но вместо этого она поймала брошенный канат и умело обвязала вокруг столбика. Вскоре он уже стоял на мостках. Энни уже и забыла, какой он высокий. Она была вровень с большинством мужчин, но только Матте она могла положить голову на грудь. Ее рост был еще одним из моментов, раздражавших Фредрика: Энни была на пару сантиметров выше его. Ей не разрешалось надевать туфли на каблуках, когда они куда-то ходили вместе. Не думай о Фредрике. Не думай о Фредрике.

Энни сжали в крепком объятии. Она не поняла, кто сделал первый шаг, кто пересек невидимую черту между ними. Внезапно она ощутила щекой грубую ткань его свитера. Руки, сжимавшие ее в объятиях, давали ощущение безопасности. Энни вдохнула его запах, так хорошо знакомый, запах, который она успела забыть. Запах Матте.

– Привет!

– Приветик!

Он обнял ее еще сильнее, словно желая удержать от падения. Энни хотелось навсегда остаться в его объятиях, снова пережить то, что она испытала однажды с Матте и о чем забыла в круговороте мглы и отчаяния. Но в конце концов Матте выпустил ее из объятий и, отстранив от себя, принялся пристально разглядывать старую знакомую.

– Ты не изменилась! – констатировал он.

Но Энни поняла по его глазам, что Матте врет. Она изменилась. Стала другим человеком. Это было написано у нее на лице. Он не мог не видеть морщин вокруг рта и глаз. Однако Энни была благодарна ему за притворство. Ему всегда удавалось заставить ее поверить в то, что все плохое исчезнет, если только крепко зажмуриться.

– Пойдем со мной! – сказала она, протягивая ему руку. Матте взял ее за руку, и они вместе поднялись к дому.

– Остров выглядит как прежде...

Эхо его слов ветер унес далеко за скалы.

– Да, здесь все как прежде.

Ей хотелось добавить еще кое-что, но Матте уже входил. Ему пришлось нагнуться, чтобы войти в дом, и подходящий момент был потерян. Так всегда было с Матте. Ей столько всего хотелось сказать ему, но почему-то слова так и оставались внутри. Матте это расстраивало, но она ничего не могла с собой поделать. Когда подступала темнота, Энни закрывалась от него, как от всего остального мира. И сейчас она не могла впустить его в свой мир, но могла впустить в свой дом. По крайней мере, на короткое время. Ему нужно было его тепло. Она замерзла.

– Хочешь чаю? – Энни достала кастрюлю, не дожидаясь ответа. Ей нужно было чем-то занять руки, чтобы скрыть дрожь.

– Спасибо, с удовольствием. А где малыш? Сколько ему лет?

Энни недоуменно уставилась на него.

– Папа с мамой держат меня в курсе, – пояснил Матте с улыбкой.

– Ему пять. Он уже спит.

– Вот как...

В его голосе слышно было разочарование, и у Энни стало тепло на сердце. Это что-то да значит. Она много раз задавалась вопросом, что было бы, если бы она родила сына от Матте, а не от Фредрика. Но ведь в этом случае это был бы не Сэм, а совершенно другой ребенок. А она не могла представить свою жизнь без Сэма. Хорошо, что он спит. Ей не хотелось, чтобы Матте видел его таким. Но как только Сэму станет получше, она познакомит их. Он такой непоседливый, Сэм, все время шалит... Как только желание шалить вернется к нему, все будет хорошо.

Они пили чай молча. Странное ощущение. Словно знакомые незнакомцы. Но вскоре они разговорились. И это тоже было странно. Слишком сильно оба изменились за прошедшие годы. Но странным образом они нашли свой тон, свой ритм, принадлежавшие только им; годы перестали иметь значение. И когда Энни взяла его за руку и отвела на второй этаж, ей казалось, что все идет так, как надо. После она заснула в его объятиях, ощущая его дыхание на своем ухе. Снаружи волны бились о скалы.

* * *

Вивиан накрыла Эрлинга пледом. Снотворное сработало хорошо, как всегда. Он, конечно, начал задаваться вопросом, почему каждый вечер засыпает на диване, так что ей следует проявлять осторожность. Но Вивиан просто больше была не в состоянии спать с ним. Одна мысль о его теле сверху вызывала у нее отвращение. Она вышла в кухню, выбросила креветочные очистки в мусорку, сполоснула тарелки и поставила в посудомоечную машину. Остатки вина налила в новый бокал и вернулась в гостиную.

Оставалось совсем немного времени до «дня икс», и она начинала волноваться. В последние дни у нее появилось ощущение, что эта конструкция, которую они так заботливо выстроили, может развалиться на части. Это как с картонным домиком: достаточно вытащить одну карту, чтобы все рухнуло. Вивиан было страшно. В молодости риск доставлял ей извращенное удовольствие. Ей нравилось балансировать на краю пропасти, нравилось заглядывать в глаза опасности. Но это было в прошлом. С годами ей все больше хотелось стабильности, безопасности. Появилась потребность прильнуть к чьей-нибудь груди и перестать думать. Наверняка и Андерс думает то же самое. Они были настолько похожи, что понимали друг друга без слов. И так было всегда. Вивиан поднесла бокал к губам, но замерла, ощутив аромат напитка. Он напомнил ей о событиях, которые ей так хотелось вычеркнуть из памяти. Событиях из далекого прошлого, о котором она поклялась не думать. Тогда Вивиан была другим человеком, которого больше нет. Ни за что на свете она не согласилась бы вернуться в это прошлое. Теперь она Вивиан. И ей нужен Андерс, чтобы снова не сорваться в эту бездну мрачных воспоминаний и не утратить веру в себя. Бросив последний взгляд на Эрлинга, она надела куртку и вышла из дома. Эрлинг крепко спал. Он ее не хватится.

Фьельбака, 1870 год

Когда Карл попросил ее руки, Эмили была на седьмом небе от счастья. Она и представить себе не могла, что это произойдет. Брак с Карлом был для нее недостижимой мечтой. Много раз за те пять лет, что она прислуживала в доме его родителей, Эмили засыпала с его именем на губах. Но хозяйский сын был не чета прислуге, она хорошо это знала. И если у нее и была какая-то надежда, то острый язык Эдит разрушил и ее. «Хозяйский сын никогда не женится на служанке, заруби это себе на носу». Поэтому когда Карл заговорил о браке, Эмили решила, что он просто над ней издевается. Но тот продолжал говорить. Он заявлял, что хочет на ней жениться, что готов сделать это хоть завтра. Он заверял ее, что уже обсудил все с родителями и уже договорился со священником. Так что единственное, что требовалось, – ее согласие. Какое-то время она колебалась, но под конец выдохнула «да».

Получив ее ответ, Карл поблагодарил и раскланялся. Эмили осталась одна в комнате. Она долго сидела и думала над произошедшим, чувствуя, как в груди становится тепло. Она поблагодарила Господа за то, что он услышал ее молитвы и сотворил чудо. Потом направилась на поиски Эдит. Но та отреагировала совсем не так, как она на то рассчитывала. Эмили ждала удивления или зависти. Но вместо этого Эдит только нахмурила темные брови, покачала головой и посоветовала ей быть поосторожнее. Эдит слышала странные разговоры в доме при закрытых дверях, ведущиеся с того момента, как Карл вернулся со службы на флоте. Это случилось неожиданно – никто в доме не знал, что младший сын хозяина возвращается. И Эдит находила это странным. Эмили пропустила ее слова мимо ушей, сочла их проявлением зависти к подруге. Демонстративно повернувшись к ней спиной, она больше не разговаривала с Эдит. Не будет она слушать всякие глупости. Она выйдет за Карла, и точка.

С тех пор прошла неделя. И вот уже сутки как они приехали в свой новый дом. Эмили поймала себя на том, что ходит пританцовывая. Это было так прекрасно – иметь свой соб-

ственный дом, где только она хозяйка. Дом, конечно, был маленьким, обстановка – простой, но в этом была своя прелесть. С самого приезда Эмели была занята уборкой, и теперь домик сиял чистотой. Везде пахло мылом. Они с Карлом пока мало оставались наедине, но на это у них еще будет время. У Карла было много дел. Приехал помощник смотрителя маяка Юлиан, и теперь они работали посменно. Эмели была не уверена в своих чувствах по отношению к человеку, с которым они должны были делить остров. Юлиан ей и двух слов не сказал со времени прибытия на Грошер. Большую часть времени он смотрел на нее взглядом, от которого ей становилось неловко. Но, может, он просто не очень общительный от природы. Сложно, должно быть, оказаться на одном острове с совершенно чужими людьми. С Карлом они, правда, служили вместе на флоте, как она поняла, но ведь Эмели была для него чужой. Должно пройти время, прежде чем он освоится. А уж чего-чего, а времени здесь, на острове у них будет предостаточно...

Эмели снова принялась за домашние хлопоты. Карлу не придется жалеть, что он на ней женился.

Она протянула ему руку. Как делала это всегда. Казалось, что они расстались только вчера. А ведь когда они последний раз занимались любовью, то были подростками. Теперь же они взрослые. Он стал грубее, волосатее: на коже появились шрамы, которых раньше не было. И изменилась не только внешность – даже внутренне он стал грубее, мужественнее. Энни долго лежала, прижавшись щекой к его груди и обводя шрамы кончиками пальцев. Ей хотелось спросить, откуда они, но она чувствовала, что еще не время задавать вопросы о прошлом. Теперь в кровати она была одна. Во рту пересохло. Энни чувствовала себя обессиленной. И одинокой. Она протянула руку, чтобы убедиться в том, что и так уже знала. Матте исчез. Ощущение было такое, словно за ночь она лишилась очень важной части тела. Может, он внизу, с надеждой подумала Энни. Затаив дыхание, напрягла слух. Ничего. Завернувшись в простыню, она подошла к окну, выходившему на пристань. Лодки не было. Матте уехал, не попрощавшись.

Энни сползла на пол, чувствуя, как подступает мигрень. Ей нужна вода. Она медленно оделась. Ощущение было такое, словно ночью она не сомкнула глаз. Но Энни знала, что это было не так. Она заснула в его объятиях и впервые за долгое время спокойно спала. Откуда же мигрень?

Энни пошла к Сэму. Тот проснулся, но лежал молча. Подняв ребенка, она отнесла его на кухню, погладила по волосам и оставила сидеть на стуле. Ей надо было налить себе воды. Понадобилось два полных стакана воды, чтобы унять сухость. Она просто умирала от жажды. Вытерев рот ладонью, поняла, что все еще хочет пить. Но нужно было кормить Сэма. И ей тоже поесть не помешает. Энни, словно на автомате, сварила яйца и кашу, сделала бутерброды и кофе. Заглянув в шкаф, поняла, что продукты скоро кончатся. Нужно экономить. Но усталость и одиночество заставили ее выйти в прихожую и выдвинуть нижний ящик комода. Она пошарила пальцами под одеждой, но ничего не нащупала. Засунула руку глубже – снова безрезультатно. Наконец она вытащила всю одежду из ящика. Снова ничего. Может, она перепутала ящики?... Энни вытащила верхние ящики и высыпала содержимое на пол. Там тоже ничего не было. Ее охватила паника. Внезапно она поняла, почему Матте уехал, не попрощавшись. Энни рухнула на пол и, свернувшись в позу эмбриона, прижала колени к груди. Из кухни доносился звук выкипающей воды.

* * *

– Оставь парня в покое, – Гуннар, не отрываясь от газеты, повторил фразу, которую твердил весь день.

– Но, может, он захочет с нами поужинать? Или пообедать в воскресенье? Как ты думаешь? – волновалась Сигне.

Гуннар вздохнул.

– У него наверняка есть планы на выходные. Он же взрослый человек. Захочет прийти – позвонит или зайдет. Не мешай ему. Он же у нас только на днях ужинал.

– Я позвоню ему на всякий случай. Просто узнать, как дела, – потянулась за телефоном Сигне, но Гуннар ей помешал.

– Оставь его, – велел он.

Сигне отдернула руку. Больше всего на свете ей хотелось позвонить Матте на мобильный, услышать его голос, убедиться, что у него все в порядке. После того, что с ним случилось, – как она могла не волноваться? Случившееся только еще больше убедило ее в том, что мир угрожает безопасности ее Матте. Умом она понимала, что должна оставить его в покое. Но ее сердце требовало защитить сына. Да, он взрослый человек, но это не значит, что за него не надо волноваться. Сигне прошмыгнула в коридор и позвонила с другого аппарата. Ей ответил автоответчик. Сигне положила трубку. Почему он не отвечает?

– Я не знаю, что делать, – опустила голову Эрика.

В доме наконец было тихо. Дети заснули, и можно было присесть на кухне и перекусить горячим бутербродами в тишине и покое. Но Эрика все равно не могла расслабиться. Мысли об Анне не давали ей покоя.

– Ты просто должна быть рядом с ней. Ты нужна ей. Ты и Дан, – Патрик перегнулся через стол и накрыл ее руку своей.

– Что, если она меня возненавидела? – всхлипнула Эрика.

– Почему она должна тебя ненавидеть?

– За то, что у меня двое малышей, а у нее ни одного.

– Но ведь это нельзя изменить. Это... не знаю, как назвать... судьба, что ли... – Патрик погладил ее по руке.

– Судьба? – Эрика вопросительно уставилась на мужа. – Судьба уже достаточно поиздевалась над Анной. Только она наконец обрела счастье. Мы стали ближе друг другу. И тут такое... Она меня ненавидит, я знаю.

– Как она? Ты же была там вчера.

Они еще не успели поговорить о визите Эрики к сестре: было слишком много дел. Свет свечи, зажженной Патриком, то освещал лицо жены, то погружал в тень.

– Она спала. Я немного с ней посидела. Она выглядит такой хрупкой.

– А что сказал Дан?

– Он в отчаянии. На него столько навалилось... Он пытается бодриться, но это тяжело. Эмма с Адрианом задают столько вопросов... Они спрашивают, где ребенок, который был у мамы в животе, и почему она все время спит. И он не знает, что им ответить.

– Она справится. Анна сильная, ты же знаешь. – Патрик выпустил руку Эрики и взялся за приборы.

– Не уверена. Человек не в состоянии вынести столько боли. Анна может сломаться. Или уже сломалась... – Голос у Эрики задрожал.

– Поживем – увидим. В любом случае мы будем рядом, – попытался утешить жену Патрик.

Он понимал, что это слабое утешение, но других слов у него просто не было. Человек беспомощен перед судьбой. Разве можно пережить смерть собственного ребенка?

Крик со второго этажа заставил их вздрогнуть. Вместе они поднялись наверх и взяли на руки по близнецу. Это их судьба. И они принимали ее с благодарностью.

* * *

– Звонили с работы Матте. Его не было на работе вчера, и сегодня он тоже не пришел. И не звонил, – Гуннар застыл с трубкой в руках.

– Я все выходные звонила, а он не брал трубку, – сообщила Сигне.

– Я поеду к нему домой.

Гуннар уже натягивал в дверях куртку.

В конце концов он понял, что все эти годы испытывала Сигне. Страх, мечущийся в груди, подобно раненому животному.

– Я поеду с тобой! – решительно заявила она, и Гуннар не посмел ей отказать. Кивнув, он нетерпеливо ждал в дверях, пока она оденется.

Всю дорогу в машине они молчали. Гуннар поехал в объезд – не через центр, а через холмы, где дети зимой катаются на санках. Матте тоже катался там в детстве. Гуннар сглотнул. Должно существовать логичное объяснение его отсутствию. Может, у него температура, он забыл взять больничный. Или... Придумать другой причины он не мог. Матте всегда был внимателен к такого рода вещам. Он бы позвонил в офис, если бы заболел.

Сигне сидела рядом на пассажирском сиденье, белая как мел, невидящим взглядом уставившись в окно. Руки судорожно сжимали сумочку. Зачем ей сумка, подумал Гуннар, зачем она цепляется за нее, как за спасательный круг? Они припарковались перед домом Матте. Второй подъезд. Гуннар готов был бежать, но сохранял спокойствие ради Сигне.

– У тебя есть ключи? – крикнула она, первой подлетевшая к подъезду.

– Вот. – Гуннар протянул ей связку с запасными ключами, которую им оставил Матте. – Но он наверняка дома. Надо только позвонить, и он откроет.

Задышавшись, Гуннар бежал по лестнице вслед за Сигне. Матте жил на третьем этаже, и добрались они туда, оба запыхавшись. Гуннару пришлось сдержаться, чтобы сразу не вставить ключ в замок.

– Надо позвонить. Если Матте дома, он взбесится, если мы вот так ворвемся к нему в дом. Может, он там не один и потому не ходил на работу...

Сигне позвонила в дверь. Звук звонка оглушил их. Она нажала снова и снова. Они ждали шума шагов. Ждали, что Матте откроет дверь, но в квартире было тихо.

– Открой, пожалуйста! – взмолилась Сигне.

Кивнув Гуннар, отодвинул ее от двери и начал возиться со связкой ключей. Вставив ключ и повернув пару раз, дернул за ручку. Дверь не поддавалась. В отчаянии Гуннар понял, что только что запер дверь, что она была открыта. Он взглянул на Сигне, в глазах которых читалась паника. Почему дверь открыта? Если его нет дома? А если он дома, то почему не открывает? Гуннар снова повернул ключ. Замок щелкнул. Дрожащими руками он потянул за ручку. И в то мгновение, когда он открыл дверь и заглянул в прихожую, он понял, что все это время Сигне была права.

* * *

Она была больна. Никогда раньше ей не было так плохо. В комнате пахло рвотой. Видимо, ночью ее стошнило. Энни плохо помнила, что было ночью. Да и сейчас все было как в тумане. Она пошевелилась. Каждое движение причиняло боль. Энни попыталась посмотреть, сколько времени на часах, но даже глазам было больно. Какой сегодня день? Как там Сэм? Мысль о нем заставила ее сесть. Она обнаружила, что лежала рядом с его кроватью. Он спал. Энни удалось сфокусировать взгляд на часах. Почти час. У Сэма дневной сон. Энни погладила его по голове. Видимо, даже в бреду она заботилась о ребенке. Материнский инстинкт сильнее болезни.

Энни испытала облегчение. Она огляделась по сторонам: в кроватке лежала бутылка с водой, на полу – пакеты от печенья, остатки сыра и фруктов. Хорошо, что она сумела его покормить. Энни также нашла источник запаха рвоты: у кровати стояло ведро, которое, наверное, она принесла сюда. В желудке было совершенно пусто – последствия ночных мучений. Энни попыталась подняться на ноги. Стиснула зубы, чтобы не застонать, – ей не хотелось будить Сэма. Ноги подкашивались. Ей срочно нужны были вода и еда. Голода она не испытывала, но в животе урчало. Энни подняла ведро и вынесла из комнаты. Выйдя на улицу, поразились тому, как там холодно. Судя по всему, лето кончилось, пока она болела.

Энни осторожно спустилась к пристани и вылила содержимое ведра в море. Затем привязала его веревкой и ополоснула в воде. Ветер хлестал ее по щекам. Все тело протестовало против физических усилий. Пот лил градом. Она с отвращением стянула с себя одежду, кое-как обмылась и надела чистую футболку и спортивный костюм. Дрожащими руками сделала бутерброд, налила стакан сока и присела за кухонный стол. Только съев половину, она начала ощущать вкус. Энни почувствовала, как силы возвращаются к ней. Она снова взглянула на часы, на этот раз на квадратик с датой. Короткий подсчет – и она поняла, что сегодня вторник. Она болела три дня. Три дня в бреду. Что ей мерещилось? Она напряглась, вспоминая свои лихорадочные сны. Один из них повторялся чаще других. Энни покачала головой, и ее снова затошнило. Она взялась за четвертый бутерброд. Желудок наконец успокоился. Женщина. В ее снах была женщина. Что-то было не так с ее лицом. Энни сморщила лоб. Женщина из сна казалась ей знакомой. Она где-то видела ее раньше, но не помнила где. Поднялась. Вспомнит потом. У женщины из сна был очень грустный вид. Энни тоже стало грустно. Она пошла проверить, как там Сэм.

* * *

Патрик плохо спал. Ему передавалась тревога Эрики за Анну, и несколько раз за ночь он просыпался в холодном поту. Поразительно, как жизнь человека может измениться в одно мгновение. Он сам был близок к тому, чтобы все потерять. Это заставило Патрика задуматься. Не стоит принимать жизнь как должное. Но как продолжать жить в вечном страхе? Патрик часто ловил себя на том, что стал чрезмерно осторожничать. Ему не нравилось, что Эрика ездит в машине одна с детьми. Он предпочел бы, чтобы она вообще не садилась в машину. И вообще ему было бы спокойнее, если бы она совсем не выходила из дома с детьми и не подвергала себя и их никакой опасности. Конечно, умом он понимал, что это безумие, но ничего не мог с этим поделать. Слишком близко оказался он к краю пропасти. Он чуть не потерял жизнь, чуть не потерял Эрику и близнецов. Их семья спаслась лишь чудом. Вцепившись руками в край стола, Патрик приказал себе дышать ровно. В последнее время у него часто случались приступы паники. Возможно, ему придется с этим жить. Но он справится. Главное, что у него есть семья.

– Как ты? – В дверях появилась Паула.

Патрик сделал еще один вдох.

– Все в порядке. Я немного устал. Ночные кормления и все такое... – Он выдавил улыбку. Паула присела.

– Не ври! – взглянула ему прямо в глаза взглядом, не терпящим притворства и лжи. – Я спросила, как ты.

– Так себе, – неохотно признался Патрик. – Должно пройти время, чтобы все встало на свои места. Главное, что все здоровы. Кроме сестры Эрики, Анны, конечно.

– Как она себя чувствует?

– Неважно.

– Ей нужно время.

– Да, но она замкнулась в себе. Даже с Эрикой отказывается говорить.

– Что в этом странного? – спросила Паула.

Патрик привык к манере коллеги прямо выражать мысли. Она всегда говорила правду, а не то, что люди хотели услышать. И чаще всего оказывалась права.

– У вас двое детей, у нее ни одного. Неудивительно, что она не хочет общаться с Эрикой.

– Именно этого Эрика и боится. Но что нам делать в такой ситуации?

– Ничего. Сейчас ничего не делайте. У Анны есть семья, есть муж – отец ребенка. Сначала им двоим нужно вернуть взаимопонимание, а потом уже придет очередь Эрики. Как бы больно ей ни было, Эрике лучше оставить сестру в покое. Это не значит бросить ее. Достаточно того, что Анна знает, что она рядом.

– Я-то это понимаю, но как это объяснить Эрике? – Патрик сделал глубокий вдох; после разговора с Паулой ему полегчало.

– Мне кажется, что... – начала та, но ее прервал стук в дверь.

– Извините! – В комнату ворвалась Анника, лицо у нее пылало. – Нам только что позвонили из Фьельбаки. Мужчину нашли застреленным в своей квартире.

В кабинете повисла тишина. И сразу за ней последовала бурная активность. Буквально через пару секунд Паула и Патрик уже спешили в гараж. Анника тем временем стучала в двери Йосты и Мартина. Они должны были ехать следом.

– Выглядит потрясающе! – Эрленд довольно огляделся по сторонам и повернулся к Вивиан: – Недешево обошлось, конечно, но стоит каждой потраченной кроны. Коммуна должна быть довольна. Это будет грандиозным успехом. А учитывая, сколько денег ты вложила в этот проект, можно рассчитывать на хорошие доходы в будущем, когда проект окупится... А зарплаты у вас не слишком высокие? – с подозрением посмотрел он на молодую женщину в белом халате.

Взяв Эрлинга под руку, Вивиан отвела его к одному из столов.

– Не волнуйся. Мы следим за расходами. Андерс нам спуска не дает. Это благодаря ему мы добились такой выручки в спа-салоне «Свет» и смогли инвестировать средства в новый проект.

– Да, тебе повезло с Андерсом.

Эрлинг присел за стол в столовой, где уже был сервирован кофе.

– Кстати, Матте до тебя дозвонился? Он говорил на прошлой неделе, что ему надо кое-что обсудить с тобой и Андерсом.

Эрлинг потянулся за булочкой, но, откусив кусок, отложил ее на тарелку.

– Что это?

– Диетические булочки из отрубей.

– Хммм, – промычал Эрлинг, решив довольствоваться одним кофе.

– Нет, он не звонил. Но вряд ли это что-то важное. Он еще позвонит.

– Странно. Вчера он не пришел на работу. И больничный не брал. И сегодня его не было тоже.

– Наверняка ничего серьезного, – сказала Вивиан, беря булочку.

– Можно присесть с вами или голубки хотят побыть наедине? – спросил возникший словно из ниоткуда Андерс.

Оба вздрогнули от неожиданности, но Вивиан быстро собралась и с улыбкой показала брату на стул рядом с собой. В который раз Эрлинг поразился тому, как они похожи. Светловолосые, с голубыми глазами, у них даже губы были похожи: верхняя изогнута луком. Но если Вивиан была открытой и энергичной женщиной, к которой мужчин тянуло как магнитом, то брат ее был тихим и замкнутым человеком. Типичный аудитор, подумал Эрлинг, когда впервые

увидел его на спа-курорте. Но он не видел в этом ничего плохого. Когда речь идет о больших деньгах, неплохо иметь в команде человека, который дружит с цифрами.

– Матс тебе звонил? Эрлинг сказала, что у него к нам есть вопросы.

Вивиан повернулась к Андерсу.

– Да, он заходил в пятницу, а что?

Эрлинг прокашлялся.

– Он упоминал в конце той недели, что есть что-то, чего он не понимает.

Андерс кивнул.

– Он заходил ко мне, и мы все прояснили.

– Замечательно. Тогда все в порядке, – довольно улыбнулся Эрлинг.

* * *

Пожилые мужчина и женщина стояли у подъезда, поддерживая друг друга. Патрик понял, что перед ним родители покойного. Это они обнаружили тело и позвонили в полицию. Патрик с Паулой вышли из машины и подошли к пожилой паре.

– Патрик Хедстрём, полиция Танума. Это вы звонили? – спросил он, хотя уже знал ответ.

– Да, мы.

Лицо у мужчины было мокрым от слез. Женщина уткнулась лицом ему в грудь, отказываясь поднимать глаза на полицейских.

– Это наш сын, – всхлипнула она, не поворачиваясь, – там, наверху...

– Мы поднимемся и посмотрим, что там произошло.

Мужчина попытался последовать за ними, но Патрик его остановил:

– Вам лучше подождать здесь. Сейчас приедет «Скорая». Она о вас позаботится. Паула пока побудет с вами.

Патрик кивнул своей коллеге, и та отвела пожилую пару в сторону. Сам он вошел в подъезд и поднялся на третий этаж. Дверь была открыта. Ему даже не нужно было заходить в квартиру, чтобы констатировать, что мужчина, лежавший на животе на полу, был мертв. В затылке у него зияло пулевое отверстие. Кровь и фрагменты мозга на полу и стенах давно застыли. На месте преступления нельзя было ничего трогать до прихода Турбьёрна Руда с его командой криминалистов. Сперва они должны осмотреть квартиру. Патрик решил, что лучше пока спуститься вниз и поговорить с родителями покойного. Спустившись вниз, Хедстрём поспешил к паре, которая вместе с Паулой общалась с врачом «Скорой помощи». Женщина, укутанная в больничное одеяло, рыдала так, что все тело сотрясала дрожь. Патрик решил сперва обратиться к мужчине, который, несмотря на слезы, не утратил контроля над собой.

– Мы нужны вам наверху? – спросил один из врачей.

Патрик покачал головой.

– Пока нет. Криминалисты уже едут.

Повисла тишина, нарушаемая только душераздирающим плачем женщины. Патрик подошел к ее мужу.

– Можно с вами поговорить?

– Мы хотим вам помочь. Но не понимаем, кто был способен...

Бросив взгляд на жену, мужчина пошел с Патриком к полицейской машине. Она же совершенно не замечала того, что происходит вокруг. Они присели на заднее сиденье.

– На двери написано «Матс Сверин». Это ваш сын?

– Да, но мы звали его Матте.

– А вас зовут? – Патрик быстро заносил ответы в блокнот.

– Гуннар Сверин. Мою жену зовут Сигне. Но почему?..

Патрик положил руку ему на плечо.

– Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы поймать того, кто это сделал. Вы в состоянии ответить на пару вопросов, как вам кажется?

Гуннар кивнул.

– Когда вы в последний раз видели сына?

– В четверг вечером. Он ужинал у нас дома. С тех пор как Матте переехал в Фьельбаку, он часто у нас ужинает.

– Во сколько он ушел от вас?

– Он уехал около девяти.

– С тех пор вы виделись? Или говорили по телефону?

– Нет, не виделись. Сигне по природе очень мнительная. Она много раз пыталась до него дозвониться, но безуспешно. А я... я просил ее оставить мальчика в покое... – Гуннар смущенно вытер слезы рукавом куртки.

– Значит, никто не брал трубку? А на мобильный звонили?

– Да, но там был включен автоответчик.

– Это было необычно?

– Да, необычно. Сигне названивала ему часто, но Матте обладал просто ангельскими терпением, – Гуннар снова вытер слезы руками.

– Поэтому вы к нему сегодня поехали?

– Не совсем. Сигне сильно за него тревожилась. Я – тоже, но не хотел подавать виду. А когда позвонили из коммуны и сказали, что Матте не пришел на работу... Это совсем на него не похоже... Матте никогда бы не прогулял работу без весомой причины. Это у него от меня.

– А чем он занимался в коммуне?

– Он там работал главным бухгалтером. Устроился на работу пару месяцев назад и тогда же переехал в Фьельбаку. Ему повезло с местом. Работу в наше время найти трудно.

– А раньше он где жил? До переезда в деревню?

– В Гётеборге, – ответил Гуннар и продолжил: – Мы сами не понимаем, почему он вдруг решил сюда вернуться. Но с ним случилось кое-что ужасное незадолго до этого. Какие-то хулиганы избили его в городе. Матте несколько недель провел в больнице. Мы так волновались... А потом он вернулся в деревню. Мы так обрадовались! Особенно Сигне. Она была просто на седьмом небе от счастья.

– Известно, кто его избил?

– Нет, полиция их так и не нашла. Матте их не знал и потому не мог ни на кого указать. Но избили его ужасно. На нем места живого не было. Когда мы с Сигне приехали в больницу, то с трудом его узнали.

– Вот как? – ответил Патрик.

Он поставил восклицательный знак в блокноте рядом с записью об избиении. На это надо обратить особое внимание. Нужно позвонить коллегам в Гётеборг.

– Значит, вы не знаете, кто мог желать Матсу зла? Может, он с кем-то поссорился?

Гуннар покачал головой.

– Матте в жизни мухи не обидел. Он со всеми ладил. И все его обожали.

– А как у него дела на работе?

– Мне кажется, его все устраивало. В четверг он, правда, выражал кое-какие опасения. Но, может, мне это только показалось. Но он не говорил, что с кем-то ссорился или что-то подобное. Эрлинг не самый приятный тип, но Матте говорил, что тот безобиден и он знает, как с ним обращаться.

– А что вам известно о его жизни в Гётеборге? Друзья, подружки, коллеги?

– Немного. Матс не любил распространяться о своей личной жизни. Сигне пыталась вытянуть из него какую-нибудь информацию, но Матте молчал как рыба. Раньше он еще что-

то сообщал нам о друзьях или приятелях, но эта предыдущая работа в Гётеборге отнимала у него все силы. Он, похоже, вообще перестал с людьми общаться.

– А что было по возвращении в Фьельбаку? Он наладил отношения со старыми друзьями? Гуннар покачал головой.

– Нет, у него не было интереса к старым друзьям. Впрочем, их не так много здесь и осталось. Большинство уехали в город. Матте нравилось быть одному. Сигне очень из-за него переживала.

– Значит, у него не было девушки...

– Не думаю. Но мы и не могли знать: он нам ничего не рассказывал.

– Вас он со своими девушками не знакомил? – удивленно спросил Патрик.

Сколько же лет ему было? Патрик спросил, и Гуннар ответил. Оказалось, что Матте был ровесником Эрики.

– Нет, не знакомил. Но это не значит, что у него не было девушек, – добавил он, словно прочитав мысли Патрика.

– Хорошо. Если еще что-то вспомните, позвоните мне по этому номеру. – Патрик протянул визитку. – Все, что угодно. Любую мелочь. Нам нужно будет поговорить с вашей женой. И возможно, еще с вами. Вы не против?

– Нет, конечно, нет, – ответил Гуннар, принимая визитку.

Он выглянул в окно в поисках Сигне, которая наконец перестала плакать. Наверное, врачи ей дали успокоительное.

– Соболезную вашему горю, – сказал Патрик.

В машине повисла тишина. Что еще он мог сказать?

Как раз когда они выходили из машины, подъехал Турбьёрн Руд с командой криминалистов. Им предстояла трудная работа по сбору улик.

Впоследствии Энни недоумевала, как это она сразу не поняла, что за человек Фредрик. Но, вероятно, это было нелегко. Снаружи он казался таким правильным... Никто не ухаживал за Энни так, как Фредрик. Сперва она смеялась над его ухаживаниями, но долго противостоять его обаянию не могла. Фредрик ее баловал, брал с собой в заграничные поездки, где они останавливались в пятизвездочных отелях, поил шампанским, посылал цветы – причем в таком количестве, что их некуда было ставить. Она этого стоит, все время повторял Фредрик. И Энни ему поверила. Он быстро понял, *что* именно может произвести впечатление. Энни всегда была не уверена в себе. Ей нужно было слышать, что она особенная, что заслуживает лучшего. Откуда поклонник брал деньги? Энни никогда его об этом не спрашивала.

Ветер усилился, но Энни продолжала сидеть на скамейке с южной стороны дома. Кофе успел остыть, но она то и дело подносила кружку ко рту. Руки подрагивали. Ноги по-прежнему плохо ее держали, в желудке урчало. Энни знала, что это не скоро кончится. Так было и раньше.

...Постепенно она стала частью мира Фредрика – мира праздников, вечеринок, отпусков, красивых людей и шикарных вещей. Она переехала в его роскошный дом, без всяких сожалений оставив свою однушку в Фарсте. Разве могла она продолжать жить там, когда большую часть времени проводила в роскошной вилле Фредрика в Юрхольме? А когда Энни наконец поняла, чем занимается Фредрик, чем зарабатывает на жизнь, было уже поздно. У них были общие друзья, общий дом. У Энни было его кольцо на пальце – и не было работы, чтобы содержать себя, поскольку Фредрик не хотел, чтобы она работала. Но самое ужасное в том, что правда о его занятиях не стала для нее шоком. Энни быстро смирилась с тем, что он принадлежит к верхним слоям криминального мира и что всю грязную работу за него делают другие. К тому же это придавало остроты их отношениям. Она испытывала прилив адреналина, когда представляла, чем он занят по ночам. Разумеется, никто больше ничего не знал. Официально Фредрик занимался импортом вина. Его фирма приносила небольшой доход. У него имелся

свой виноградник в Тоскане, и Фредрик планировал запустить вино под собственной маркой. Все это составляло прекрасное алиби. Порой Энни приходилось сидеть за столом за ужином с аристократами и успешными бизнесменами и удивляться тому, как легко они становились жертвами обаяния Фредрика. У них не возникало никаких сомнений в том, что свои огромные деньги он заработал сам – честным путем. Но, видимо, они верили в то, во что хотели верить. Как и сама Энни.

Все изменилось с появлением Сэма. Фредрик очень хотел сына. Это он настоял на том, чтобы они завели ребенка. Сама Энни сомневалась, что это хорошая идея. Ей до сих пор было стыдно за то, что она боялась испортить фигуру и не хотела жертвовать трехчасовыми ланчами с подружками и шопингом. Но Фредрик был непреклонен, и Энни неохотно согласилась. Но в ту же секунду, когда акушерка протянула ей Сэма, вся жизнь Энни перевернулась. Фредрик получил своего долгожданного сына, но потерял свое главное место в ее жизни. Это его, разумеется, не устраивало. Он начал безумно ревновать ее к сыну. Запретил жене кормить его грудью. Нанял няню, чтобы та ухаживала за Сэмом. Но Энни крепко стояла на своем. Елене она поручила стирку и уборку, а сама все время проводила в детской с Сэмом. Ничто не могло разлучить ее с малышом. И если раньше Энни не знала, куда себя деть, то теперь она обрела уверенность в себе и в своей роли в этой жизни – в качестве матери Сэма.

В ту же секунду, как у нее появился ребенок, Фредрик резко переменялся. Если раньше Фредрик мог поднять на нее руку только навеселе или под кайфом и все дело ограничивалось парой синяков и разбитым носом, то теперь ее жизнь превратилась в ад. От этих воспоминаний к глазам подступили слезы. Руки дрожали так, что кофе пролился на брюки. Энни моргнула, смахивая слезы. Кровь. Сколько было крови... Воспоминания перемешались в голове, как негативы, наложенные один на другой. Фредрик пугал ее, доводил до отчаяния...

Энни резко вскочила. Ей нужно было быть с Сэмом. Она ему необходима.

...– Сегодня воистину трагический день. – Эрлинг, стоявший во главе стола в конференц-зале, серьезным взглядом обвел всех собравшихся.

– Как это могло случиться? – Секретарша Гунилла Щелин с мокрыми от слез щеками высморкалась в платок. – Полиция ничего толком не объяснила, но, похоже, он стал жертвой преступления.

– Его убили? – спросил Уно Бруссон, откидываясь на спинку стула. Рукава его фланелевой рубашки были, по обыкновению, закатаны.

– Как я сказала, полиция не хотела спекулировать на этот счет, но они пообещали держать нас в курсе.

– Как это скажется на проекте? – спросил Уно, дергая себя за ус, как он всегда делал, когда волновался.

– Никак. Я отвечаю за свои слова. Матте почти не занимался проектом «Бадис». Он все предоставил нам. Поэтому мы будем действовать согласно плану, и я сам буду заниматься финансами, пока мы не найдем замену Матсу.

– Как вы можете говорить о замене в такой момент? – всхлипнула Гунилла.

– Успокойся, Гунилла. – Эрлинг не знал, как ее успокоить, тем более что ситуация была не из приятных. – Мы несем ответственность за коммуну, за жителей, за всех, кто вложил свою душу в этот проект, который принесет пользу всем вокруг. – Эрлинг сделал паузу, пораженный своей собственной находчивостью. – То, что случилось с Матсом, – трагедия. Он не должен был уходить так рано. Но жизнь на этом не остановилась. Шоу продолжается, как говорят в Голливуде.

В зале повисла тишина. Последняя фраза показалась Эрлингу особенно удачной. И он решил ее повторить. Выпрямив спину и выпятив грудь, с сильным богусленским акцентом произнес:

– Шоу продолжается, народ. Шоу продолжается.

Они сидели с опущенными головами друг напротив друга за столом в кухне. В таком положении они пребывали с тех пор, как любезные полицейские отвезли их домой. Гуннар хотел вести сам, но они настояли. Машина осталась на парковке у дома Матте, и придется идти за ней пешком. Но тогда по дороге можно заглянуть...

У Гуннара перехватило дыхание. Как он мог так быстро забыть – как он вообще мог забыть, хоть на мгновение забыть, – что Матте мертв? Они же сами видели его там в коридоре на ковре, сплетенном Сигне в то время, когда она увлекалась плетением. Он лежал на животе, а в затылке у него зияла рана. Как Гуннар мог об этом забыть?

– Поставить чайник? – нарушил тяготившую его тишину Гуннар; в кухне слышался только стук его собственного сердца, и он готов был на все, лишь бы не слышать этот стук, напоминавший ему, что он жив, в то время как его сын мертв.

– Я налью тебе тоже, – добавил он, так и не дождавшись ответа от Сигне. Она по-прежнему находилась под воздействием успокоительного. Сидела совсем тихо, сцепив руки, и смотрела перед собой невидящим взглядом.

Гуннар действовал на автомате: вставил фильтр, налил воды в кофеварку, открыл банку с кофе, отмерил сколько нужно, нажал на кнопку. Кофеварка тут же зашипела и забулдила.

– Хочешь что-нибудь к кофе? Кусочек сахарного пирога?

Его голос звучал удивительно спокойно. Гуннар достал из холодильника вчерашний пирог, испеченный Сигне, осторожно развернул пластик, положил на доску и отрезал два кусочка. Разложив по тарелочкам, одну поставил перед Сигне, а другую – перед собой. Она не отреагировала, но Гуннар решил не обращать на это внимания. Звон тарелок и шипение кофеварки заглушали стук сердца – хотя бы ненадолго, – и это успокаивало. Когда кофе был готов, Гуннар потянулся за чашками и налил обоим. С каждым годом привычки становились все сильнее, и у них даже были любимые чашки. Сигне всегда пила из хрупкой фарфоровой чашечки с розочками вокруг канта, а сам он предпочитал грубоватую керамическую кружку, приобретенную на автобусной экскурсии в Грэнну. Гуннар пил свой кофе черным с одним кусочком сахара, Сигне – с молоком и двумя кусочками сахара.

– Держи, – сказал он, ставя перед женой чашку.

Сигне не шевельнулась. Нервничая, Гуннар сделал слишком большой глоток, и горячий кофе обжег ему горло. Он закашлялся. Потом попробовал пирог, но кусок застрял в горле и все рос и рос, превращаясь в один огромный комок из теста и сахара. Гуннар начал задыхаться. Он бросился в туалет, чтобы выплюнуть этот комок, становившийся все больше и больше. Рухнул на колени перед унитазом, наклонил голову – и его стошнило. Он видел, как кофе и крошки от пирога исчезают в зеленой от чистящего средства воде: Сигне настаивала на том, чтобы в туалете всегда была чистота. Опустошив желудок, он снова явно уловил стук сердца. Тук, тук, тук... Гуннара снова стошнило.

Сигне к кофе так и не притронулась.

Обследовать квартиру Матса Сверина они закончили только к вечеру. На улице еще было светло, но количество полицейских в квартире уже уменьшилось, и видно было, что они заканчивают работу.

– Заканчиваем, – сообщил Турбьёрн Руд. Вид у криминалиста был усталый. Хедстрём много раз работал с Турбьёрном и его командой и испытывал к седому мужчине с бородкой огромное уважение.

– Как думаешь, когда будут результаты вскрытия? – поинтересовался он, устало потирая переносицу. День выдался долгий.

– Спроси у Педерсена. Я не в курсе.

– А какие предварительные выводы? – поежился от холодного ветра Патрик. Он плотнее затянул куртку на груди.

– На мой взгляд, все просто. Выстрел в затылок – немедленная смерть. Пуля застряла в голове. Обнаружена гильза от девятимиллиметрового пистолета.

– Какие-нибудь следы в квартире?

– Мы сняли отпечатки пальцев и образцы волокон. Будь у нас подозреваемый, дело пошло бы быстрее.

– Если он, конечно, оставил после себя отпечатки пальцев, – заметил Патрик.

Он по опыту знал, что одних данных криминалистов недостаточно для раскрытия преступления, часто все зависит от удачи. В квартирах всегда было полно отпечатков друзей, родственников, любовников... Как вычислить среди них преступника и доказать его вину?

– Не рановато ли для пессимизма? – Турбьёрн пихнул Патрика в бок.

– Виноват, извини, – усмехнулся тот. – Я устал.

– Ты ведь не перенапрягаешься? Я слышал, у тебя был срыв. К таким вещам нужно относиться всерьез.

– Ты прав, – пробормотал Патрик. – Это мне предупреждение.

– Правильно. Ты же у нас еще не старик. Еще много лет проработаешь в полиции, если будешь беречь себя.

– Что вы обо всем этом думаете? – сменил тему Хедстрём, которому не нравились разговоры о его здоровье: слишком жива была в памяти та боль в груди.

– Как я уже сказал, кое-что нам удалось собрать. Так что надежда есть. Все отправим в лабораторию, анализ займет какое-то время. Но взамен я хотел бы кое о чем тебя попросить.

– Помогу чем смогу. А вы поторопитесь с анализами. – Патрик поплотнее закутался. В том году июнь выдался холодный, и погода была переменчивой. Сегодня она больше напоминала раннюю весну, тогда как еще вчера они с Эрикой сидели в саду в одних футболках.

– А вы? Что-нибудь узнали? Кто-то из соседей видел или слышал что-то? – Турбьёрн кивнул в сторону домов.

– Мы позвонили во все квартиры, но пока никаких результатов. Один из соседей утверждает, что слышал какой-то шум в ночь с пятницы на субботу, но он спал, когда этот шум его разбудил, и не помнит время. Кроме этого – ничего. Матс Сверин ни с кем из соседей не общался. Они только кивали друг другу на лестнице. Но родился и вырос он в деревне, здесь живут его родители, так что большинство знали, кем он был и где работал.

– Да, сарафанное радио здесь, в Фьельбаке, работает без перебоев, – констатировал Турбьёрн. – Вы же часто пользуетесь им в работе?

– Приходится... Ну, пока все выглядит так, будто он жил отшельником, но завтра попробуем еще что-нибудь раскопать.

– Тогда езжай домой, отдохни, – Турбьёрн положил Патрику руку на плечо.

– Да, я, пожалуй, пойду, – солгал Хедстрём.

Он уже позвонил Эрике и предупредил, что будет поздно. Сегодня вечером им нужно обсудить план действий. Потом – пара часов сна, и за работу. Работа для него всегда была на первом месте. Патрик знал, что должен думать о здоровье, но ничего не мог с собой поделать.

* * *

Эрика напряженно вглядывалась в огонь в камине. Ей пришлось приложить усилие, чтобы не выдать своего волнения по телефону, когда звонил Патрик. Он наконец начал выглядеть бодрее, двигаться с прежней энергией, у него улучшился цвет лица. Умом Эрика понимала, что ему нужно работать. Муж обещал ей не перенапрягаться, но на сердце у нее было беспокойно. Похоже, он уже успел забыть свое обещание. Интересно, кто на этот раз умер.

Патрик отказался ей что-то рассказывать по телефону, только упомянул, что был найден мертвый мужчина.

Эрика от природы была чрезвычайно любопытна. И это было только на руку людям ее профессии. Будучи писательницей, она интересовалась людьми и их историями. Со временем она наверняка все узнает – если не от Патрика, то от других односельчан. В жизни в деревне были и свои плюсы, и свои минусы. Она была тронута до слез поддержкой друзей и соседей после аварии. Все выразили готовность помочь, даже люди, которых они плохо знали. Они помогали с Майей, с уборкой по дому, с доставкой продуктов. А сколько подарков они получили, пока лежали в больнице, – всё от цветов и шоколада до детских игрушек. В Фьельбаке люди держались друг за друга.

Но этим вечером Эрике было одиноко. Ее первым порывом было позвонить Анне. Но это было невозможно, и Эрике стало еще грустнее. Она медленно пошла класть телефон на место.

Дети спали на верхнем этаже. Огонь потрескивал в камине, снаружи сгущались сумерки. Много раз за последние месяцы Эрика испытывала страх и приступы одиночества. И это несмотря на то, что ее постоянно окружали люди. Сегодня же вечером она действительно была одна. Услышав крик со второго этажа, Эрика вскочила. Ей предстояло кормить близнецов, так что переживать за Патрика было некогда.

* * *

– У нас был трудный день, но я хотел бы провести собрание, прежде чем вы отправитесь по домам, – Патрик оглядел коллег. Все выглядели усталыми, но сосредоточенными. Они уже давно расстались с идеей собираться где-то еще помимо кухни, и на этот раз все сидели в кухне с кружками кофе в руках – спасибо Йосте за заботу.

– Мартин, можешь подытожить результаты опроса соседей?

– Мы позвонили во все двери и опросили почти всех соседей. Только в паре квартир никто не открыл – мы туда еще съездим. Естественно, мы спрашивали, слышали ли они какие-то звуки из квартиры Матса Сверина – ссору, выстрелы и так далее. Никто ничего не слышал. Единственный, кто что-то мог сказать, – это мужчина из соседней квартиры на этаже. Его зовут Леандерссон. В ночь с пятницы на субботу его разбудил звук, похожий на звук выстрела. Но он спал и потому ни в чем не уверен. Только помнит, что ночью его что-то разбудило.

– То есть никто не видел никого подозрительного? – спросил Мелльберг.

Анника судорожно записывала за выступающими.

– Никто вообще не помнит, чтобы Сверина кто-то навещал в этой квартире.

– Сколько он там жил? – спросил Йоста.

– Его отец рассказал, что он недавно переехал сюда из Гётеборга. Я хочу снова поговорить завтра с родителями, когда они немного успокоятся, – сказал Патрик.

– Значит, никакой информации.

Мелльберг уставился на Мартина, словно это он был в ответе за результат.

– Никакой, – смело встретил взгляд Мартин. Он хоть и был новичком в участке, но уже сумел избавиться от страха перед Мелльбергом, который умел запугать новичков.

– Тогда идем дальше, – снова взял слово Патрик. – Я разговаривал с отцом, мать же была в состоянии шока. С ней мне поговорить не удалось. Завтра я планирую поехать к ним домой и побеседовать в спокойной обстановке. По словам отца, Гуннара, никто не желал зла их сыну. Он особо ни с кем не общался, хоть и вырос в Фьельбаке. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь поехал пообщаться с его коллегами. Паула и Йоста, возьметесь?

Переглянувшись, они кивнули.

– Мартин, ты продолжаешь опрос соседей. И вот еще. Гуннар упомянул, что недавно Матса сильно избили в Гётеборге. Я этим займусь.

Патрик повернулся к шефу. У всех уже вошло в привычку делать все, чтобы уменьшить вредное влияние Мелльберга на ход расследования.

– Бертиль, – серьезно произнес Патрик, – ты нужен здесь, в участке. Ты лучше нас всех умеешь общаться с прессой, а журналистов можно ждать в любой момент.

Мелльберг тут же приободрился.

– Да, это так. У меня большой опыт по части прессы.

– Замечательно, – произнес Патрик без тени иронии в голосе. – Тогда у всех есть работа на завтра. Анника, ты получишь задание позже: нужно будет найти кое-какую информацию.

– Я готова, – сказала та, захлопывая блокнот.

– Хорошо. А теперь давайте по домам. Успеем поспать пару часов и повидать близких.

На этих словах Патрик почувствовал, как сильно скучает по Эрике и детям. Было уже поздно. Изнемогая от усталости, он сел в машину и поехал домой.

Фьельбака, 1870 год

Карл так и не предъявил претензии на исполнение своего супружеского права. Эмели была в недоумении. О подобных вещах ей было известно крайне мало, но она знала, что между мужчиной и женщиной по ночам случается что-то, чего не было в ее браке. Как ей хотелось бы, чтобы Эдит была рядом: она помогла бы советом. Зачем только она с ней поссорилась!.. Можно было хотя бы написать письмо. Мужа она о таких вещах спросить не осмеливалась. Но все это было очень странно.

Первая влюбленность в остров у нее прошла. На смену осеннему солнцу пришли суровые ветра. Волны хлестали о скалы. Цветы завяли и пожелтели. А небо приобрело перманентно свинцово-серый цвет. Эмели почти не выходила из дома. На улице было слишком холодно. Сколько бы одежды она на себя ни надевала, ледяной ветер пробирал до костей. Но дома ей тоже было неуютно: он были слишком маленький, и стены, казалось, давят на нее. Порой она ловила на себе наглые взгляды Юлиана, но стоило ей заметить это, как тот тут же отводил взгляд. Он так и не заговорил с ней, и Эмели не понимала, что она ему сделала. Может, она ему кого-нибудь напоминает? Женщину, причинившую ему зло?

По крайней мере, ему нравилась приготовленная ею еда. Ели мужчины с аппетитом. Эмели наловчилась стряпать приличные блюда из того, что было под рукой. А под рукой была в основном макрель. Карл и Юлиан каждый день отправлялись на рыбалку и возвращались с лодкой, полной серебристой макрели. Часть Эмели жарила и подавала с картошкой, часть засаливала на зиму. Если бы только у Карла нашлось для нее теплое слово, жизнь на острове не казалась бы ей такой ужасной. Но он даже не смотрел ей в глаза. Не говоря уже о прикосновениях. Он вел себя так, словно у него не было жены, а она, Эмели, была ему совершенно чужим человеком. Не об этом она мечтала, когда работала служанкой. И теперь ей все чаще вспоминались слова Эдит. Та ведь предупреждала ее, что что-то тут не так. На острове ей было нелегко, но Эмели не жаловалась. Такой уж жребий ей выпал в жизни. Нужно смириться. Так всегда говорила мать, пока была жива, и Эмели была намерена следовать ее советам. В жизни нельзя иметь все.

Мартин ненавидел такие опросы. Они напоминали ему о детстве, когда он вынужден был ходить по домам и продавать лотерейные билеты, носки и другую мелочовку, чтобы зарабатывать на школьные экскурсии. Но что поделать: опросы соседей были частью работы. Так что ему не оставалось ничего другого, как ходить по лестницам вверх-вниз и звонить во все двери. Ему еще повезло, что вчера почти все соседи были дома. Он сверился со списком, чтобы понять, какие квартиры остались неохваченными. Начать Мартин решил с самой стратегически важной – одной из двух соседних с квартирой Матса Сверина по этажу. Взгляд, брошенный на часы, сказал ему, что еще только восемь: есть шанс застать хозяев до того, как те уйдут

на работу. Мартин позвонил в звонок, под которым значилась фамилия – Грип, но никто не открыл. Снова позвонил. Звонок резал уши, но внутри было тихо. Он уже развернулся, чтобы уйти, как раздался скрежет ключа.

– Да? – раздался хриплый голос.

Мартин вернулся к двери.

– Я из полиции. Мартин Молин.

Через щель – дверь была закрыта на цепочку – видно было только нечесаную бороду и лилово-красный нос.

– Что вам надо?

Видимо, информации о том, что он из полиции, было владельцу квартиры недостаточно.

– В этой квартире произошло убийство, – Мартин показал на дверь Матса Сверина, обклеенную оградительной лентой.

– Да, я слышал, но какое отношение это имеет ко мне? – Бородач не выказывал никакого желания открывать дверь.

– Можно мне войти на пару минут? – самым любезным тоном спросил Мартин.

– Это еще зачем?

– Чтобы задать вам несколько вопросов.

– Я ничего не знаю. – Мужчина начал закрывать дверь, и Мартин инстинктивно вставил в щель ботинок.

– Или мы поговорим с вами сейчас, или я заберу вас в участок и допрошу там...

Мартин знал, что не вправе насильно отвозить кого-либо в участок, но надеялся, что старик не располагает такой информацией.

– Входите, – проворчал Грип.

Он снял цепочку и открыл дверь. Мартин немедленно вошел внутрь и тут же пожалел об этом, когда в нос ему ударил запах.

– Нет, тебе не уйти, гаденыш.

Краем глаза Мартин уловил какое-то движение, но не понял, в чем дело, пока старик не бросился вперед и не ухватил за хвост убегающую кошку. Та завопила, но позволила затащить себя обратно в квартиру. Грип закрыл дверь. Мартин приказал себе дышать ртом. Он боялся, что его стошнит. В квартире пахло мусором, тухлятиной, но сильнее всего – кошачьей мочой. Объяснение не заставило себя долго ждать. Мартин застыл на пороге комнаты, не веря своим глазам. Повсюду были кошки. Быстрый подсчет показал, что в квартире их не меньше пятнадцати. И это в однушке на сорок квадратных метров...

– Присаживайтесь, – сказал Грип, согнав кошек с дивана.

Мартин осторожно присел на самый краешек.

– Спрашивайте. У меня нет времени рассаживаться. Видите, сколько ртов мне надо кормить?

Жирная рыжая кошка запрыгнула старику на колени и начала ласкаться. Меха животного был весь в колтунах, на задних лапах – раны.

Мартин откашлялся.

– Ваш сосед Матс Сверин был найден мертвым в своей квартире. Вы слышали или видели что-нибудь необычное в последние дни?

– Меня чужие дела не касаются. Ничего я не видел и не слышал.

– Так вы не слышали шум из соседней квартиры? Не видели знакомцев на этаже? – настаивал Мартин.

– Я же сказал, что не сую свой нос в чужие дела. – Старик погладил кошку по спине.

Готовый сдаться, Мартин закрыл блокнот.

– Кстати, как вас зовут по имени?

– Готфрид Грип я. Имена других тоже хотите знать?

- Других? – огляделся по сторонам Мартин. Неужели в квартире еще кто-то живет?
- Это Мэрилин, – показал на кошку у себя на коленях Готфрид. – Она не выносит бабье.

Шипит и ругается.

Мартин покорно открыл блокнот и сделал запись. По крайней мере, будет чем рассмешить коллег.

– Вон того, серого, зовут Эррол, белого с коричневыми лапками – Хамфри. А тут у нас Кэри, Одри, Бетте, Ингрид, Лорен и Джеймс.

Грип продолжал называть клички, Мартин продолжал за ним записывать. Будет о чем рассказать в участке.

На пути к выходу Молин вдруг замер:

– Так ни вы, ни кошки ничего не слышали и не видели?

– Я не говорил, что кошки не видели. Я сказал, что я ничего не видел. Но Мэрилин рано утром сидела на подоконнике на кухне и шипела на машину как сумасшедшая.

– Мэрилин видела машину? Какую? – спросил Мартин, сам зная, что звучит это глупо.

Грип с жалостью взглянул на него.

– Думаете, кошки разбираются в марках автомобилей? У вас не все дома? – повертел он пальцем у виска.

Он закрыл за Марином дверь на замок и на цепочку.

* * *

– Эрлинг у себя, – Йоста осторожно постучал по первой двери в коридоре. Они с Паулой только что прибыли в здание коммуны в Танумсхеде.

Гунилла подпрыгнула на своем стуле.

– Как вы меня напугали! – всплеснула она руками.

– Извините, мы не хотели, – смутился Йоста. – Мы ищем Эрлинга.

– Это из-за Матса? – Нижняя губа у нее тут же начала подрагивать. – Это такой кошмар... – Дотянувшись до платочка, Гунилла вытерла уголки глаз.

– Да, именно по этой причине, – ответил Йоста. – Мы хотели бы поговорить со всеми в офисе, но начать хотели с Эрлинга. Если он, конечно, на месте.

– Да, он в своем кабинете. Я могу вас туда проводить.

Высморкавшись, Гунилла встала из-за стола и проводила их в дальний кабинет.

– Эрлинг, к тебе посетители, – сообщила она, пропуская полицейских вперед.

– Смотри-ка, кто к нам заехал! Привет! – Эрлинг поднялся и бросился пожимать Йосте руку. Потом увидел Паулу и начал судорожно вспоминать. – Петра, не так ли? Мой мозг как хорошо смазанный механизм – ничего не забывает.

– Паула, – она протянула руку.

Эрлинг на секунду смутился, но потом расправил плечи.

– Мы хотели бы задать пару вопросов о Матсе Сверине, – начал Йоста. Он плюхнулся в кресло для посетителей, вынуждая тем самым остальных тоже сесть.

– То, что случилось, ужасно, – сморщился Эрлинг. – Мы все просто в отчаянии. И недоумеваем, что же могло случиться. Вы уже можете нам что-то сообщить?

– На данный момент немного.

Йоста покачал головой.

– Могу только подтвердить то, что вам уже известно. Матса Сверина нашли мертвым в его квартире. Мы возбудили дело об убийстве.

– Его убили?

– Пока мы ничего не можем ни утверждать, ни опровергать.

Йоста слышал, как официально звучат его слова, но с этим типом нужно быть настороже: он трепло и своей болтовней может только навредить расследованию.

– Но нам нужна ваша помощь, – продолжил он. – Как я понял, Сверин не вышел на работу ни в понедельник, ни во вторник. И тогда вы позвонили его родителям. Он часто прогуливал работу?

– Как раз наоборот. Мне кажется, он и больничный не брал ни разу с тех пор, как начал работать здесь. Даже к зубному не отпрашивался. На Матса можно было положиться: пунктуальность и аккуратность были его коньком. Вот почему мы встревожились, когда он вот так просто не явился на работу.

– А сколько он у вас проработал? – поинтересовалась Паула.

– Два месяца. Нам повезло заполучить такого хорошего специалиста, как Матс. Объявление висело пять недель, мы провели несколько собеседований, но ни один из кандидатов не мог даже приблизиться к Матсу по опыту и квалификации. Мы даже боялись, что работа покажется ему слишком простой и скучной, но он заверил нас в том, что именно о таком месте и мечтал. Судя по всему, ему очень хотелось вернуться в Фьельбаку. И я его хорошо понимаю. Фьельбака – жемчужина Балтийского побережья, – хлопнул в ладони Эрлинг.

– Он не говорил, почему хочет вернуться? – наклонилась вперед Паула.

– Нет, только упомянул, что ему надоела суета большого города и что он не против улучшить качество жизни. А этим и славится наша деревня – качеством жизни. Жизнь тут тихая и спокойная, – выделил каждый слог Эрлинг.

– Значит, о личных мотивах он не упоминал? – нетерпеливо спросил Йоста.

– О личной жизни вообще не распространялся. Другого такого молчуна еще надо было поискать. Знаю только, что его родители живут в Фьельбаке и сам он здесь вырос. Но вообще-то я не в курсе, чем он занимался помимо работы.

– Перед переездом сюда с Матсом случилась одна неприятность: его избили и он оказался в больнице. Матс ничего об этом не говорил?

– Нет, ни слова, – опешил Эрлинг. – У него были шрамы на лице, но он сказал, что у него штанина застряла в колесе и он упал с велосипеда.

Йоста с Паулой переглянулись.

– Кто его избил? Тот же, кто... – прошептал Эрлинг.

– Согласно словам родителей, это были уличные хулиганы. Мы пока не видим связи между двумя происшествиями, но ничего нельзя исключать.

– Так он вообще ничего не рассказывал о своей жизни в Гётеборге? – настаивала Паула. Эрлинг покачал головой.

– Я сказал вам правду. Матс никогда ничего о себе не рассказывал. Словно до работы у нас у него вообще не было никакой жизни.

– Вам это не показалось странным?

– Ну, мы особо об этом не задумывались. Не то чтобы он был необщительным. Мог и посмеяться, и пошутить, и обсудить, что идет по телевизору, за чашкой кофе, и прочие глупости... Мы, наверное, и не замечали, что он никогда ничего о себе не рассказывает. Я только сейчас понял, что так оно и было.

– Он хорошо выполнял свою работу?

– Матс был блестящим главным бухгалтером. Он обладал всеми необходимыми навыками: аккуратностью, педантичностью, хорошей организованностью. У него всегда все было в порядке с бумагами. А это очень важно для такой сложной работы, как наша.

– Так на него никто не жаловался? – спросила Паула.

– Нет. Матс все делал безукоризненно. И был бесценным ресурсом для нашего проекта «Бадис». Хотя он и приступил к работе над ним позже остальных, но очень быстро вошел в курс дела и во многом нам помог.

Йоста вопросительно посмотрел на Паулу. Та покачала головой. Пока у них больше не было вопросов, но Йосту почему-то не покидала мысль, что даже после разговора с начальником Матс остается для них загадкой, полным анонимом. Интересно, какие страшные тайны обнаружатся, когда они копнут глубже.

* * *

Дом семьи Сверин находился на берегу в районе Мёрхульт. День выдался по-летнему теплый, так что куртку Патрик оставил в машине. Он предупредил по телефону о своем приезде, и, когда Гуннар открыл дверь, видно было, что в кухне все готово для кофе. Так было принято у них на побережье. Кофе с булочками подавали по любому поводу – от трагического до счастливого. Работа полицейского подразумевала бесчисленное количество чашек кофе, выпитых в домах у сельчан.

– Входите. Посмотрю, в состоянии ли Сигне... – Не закончив фразу, Гуннар пошел на второй этаж.

Патрик остался ждать в прихожей. Гуннара долго не было, и под конец Хедстрём решил пройти на кухню. В доме было тихо. Патрик воспользовался отсутствием хозяев и заглянул в гостиную. Там было чисто прибрано. Старинная мебель темных тонов, скатерти, безделушки – как часто бывает в домах людей в их возрасте. Повсюду – фотографии Матса. По ним можно было проследить жизнь покойного от рождения до зрелости. У Матса было приятное лицо. Он выглядел счастливым и довольным. Судя по снимкам, его детство и отрочество прошли вполне благополучно.

– Сигне сейчас спустится, – голос Гуннара прервал его размышления. От неожиданности Патрик чуть не выронил фото в рамке, которое было у него в руках.

– У вас много фотографий, – он осторожно поставил снимок на комод и вышел за Гуннаром в кухню.

– Я всегда увлекался фотографией, так что большинство снимков сделаны мною. И я рад, что у нас хоть что-то осталось на память о сыне. – Гуннар принялся наливать кофе. – Что положить? Сахар? Молоко?

– Черный, пожалуйста, – Патрик присел за стол.

Поставив чашку перед гостем, Гуннар присел напротив.

– Начнем, пока не подошла Сигне, – предложил он, поднимая глаза вверх. Оттуда не раздавалось ни звука.

– Как она себя чувствует?

– Ни слова не сказала со вчерашнего дня. Скоро к нам зайдет врач. Она не встает с постели. И мне кажется, ночью не сомкнула глаз.

– У вас столько цветов, – кивнул Патрик в сторону кухонной стойки, заставленной букетами в вазах всех размеров.

– Это все соседи. Они предложили прийти к нам помочь, но я пока не в состоянии видеть других людей.

Гуннар размешал сахар в кофе и взялся за булочку. Кусок не шел в горло, и ему пришлось быстро запить его кофе.

– Вот ты где! – Он обернулся в сторону Сигне, бесшумно спустившейся вниз. Поднялся, чтобы помочь жене дойти до стола и усадить ее. Казалось, со вчерашнего дня она постарела на несколько десятков лет.

– Скоро придет врач. Выпей пока кофе. И кусочек пирога. Или хочешь, я сделаю тебе бутерброд?

Сигне покачала головой – первая реакция на слова мужа за день.

– Мне жаль, – сказал Патрик.

Гуннар накрыл руку своей жены. Сигне не стала убирать руку, но и не сделала попытки ответить на прикосновение.

– Мне неловко беспокоить вас в такой момент, – начал Патрик. Как всегда, ему трудно было найти подходящие слова. С тех пор как он сам стал отцом, ему стало сложнее встречать людей, потерявших детей – не важно, маленьких или взрослых. Что можно сказать человеку, потерявшему ребенка? Это все равно что лишиться сердца.

– Я знаю, что вам нужно выполнять свою работу. И мы тоже хотим, чтобы вы как можно быстрее нашли того, кто это сделал... Если вам нужна наша помощь – только скажите.

Гуннар обнял супругу за плечи и притянул к себе. Та не шевелилась.

– Выпей немного, – попросил он, поднося чашку к ее губам. Женщина послушно сделала несколько глотков.

– Вчера мы уже говорили об этом, но, может, вы еще немного расскажете мне о Матсе? То, что вам самим кажется важным?

– Он был таким добрым... с самого рождения, – прошептала Сигне. Голос ее был усталым, надорванным от слез. – Он хорошо спал и не доставлял нам никаких забот. Но я всегда переживала за него, всегда волновалась. Мне всегда казалось, что с ним случится что-то ужасное.

– Ты была права. Я должен был тебе верить, – отвел глаза Гуннар.

– Нет, это ты был прав, – возразила Сигне, словно очнувшись от дремы. – Я потратила столько сил на все эти тревоги и волнения, тогда как ты радовался тому обстоятельству, что у нас был Матте. Все равно к такому нельзя подготовиться. Я боялась чего угодно, представляла себе любые ужасы – и все равно не была готова к такому... Мне следовало больше радоваться и меньше тревожиться... – закончила Сигне. – Что еще вы хотели узнать? – добавила она, самостоятельно отпивая из чашки.

– Из деревни он сразу переехал в Гётеборг?

– Да. Сразу, как окончил гимназию. Он поступил в Высшую торговую школу. У него были прекрасные оценки, – с гордостью произнес Гуннар.

– Но он часто приезжал домой на выходные, – добавила Сигне. Видимо, разговор о сыне приободрил ее. На щеках появился румянец, взгляд стал яснее.

– С годами он стал приезжать реже, но поначалу навещал нас каждые выходные, – кивнул Гуннар.

– Учеба давалась ему легко? – Патрик решил еще немного поговорить о юности Матса, чтобы Гуннар с Сигне могли расслабиться.

– Матте и в университете прекрасно учился, – ответил Гуннар. – Не знаю, в кого он пошел такой умный. Явно не в меня, – улыбнулся он, словно забыв, по какому поводу все они собрались. Но быстро вспомнил, и улыбка угасла.

– А что он делал после окончания университета?

– Вроде устроился в аудиторскую контору? – Сигне вопросительно взглянула на Гуннара.

– Мне тоже так кажется, но названия я не помню. Какая-то американская контора. Но он проработал там всего пару лет. По-моему, ему там не нравилось. Слишком много цифр и слишком мало человеческого общения.

– А что было потом? – Патрик отпил остывший кофе.

– Он работал в разных местах. Я могу поискать информацию, если хотите. Но в последние четыре года он был финансовым директором в какой-то волонтерской организации или что-то вроде того. «Фристад» она называлась.

– И чем эта организация занималась?

– Они помогали женщинам – жертвам агрессивных мужей и партнеров. Помогали им спрятаться от насильников и начать новую жизнь. Матте очень нравилось работать там. Он только об этом и говорил.

– Тогда почему он бросил эту работу?

Гуннар и Сигне переглянулись. Видимо, они тоже задавались этим вопросом.

– Мы связываем это с тем ужасным происшествием. Наверное, ему страшно было жить в большом городе после такого.

– Но оказалось, что и в деревне жить небезопасно, – вздохнула Сигне.

Да, подумал Патрик, небезопасно. По каким бы причинам Матс Сверин ни переехал в Гётеборг, судьба настигла его и здесь тоже.

– Сколько времени он провел в больнице?

– Три недели, – ответил Гуннар. – Для нас это был шок. На нем места живого не было.

– Покажи фото, – тихо попросила Сигне.

Гуннар поднялся и вышел из гостиной. Обрато он вернулся с коробкой в руках.

– Не знаю, почему мы их не выбросили. Смотреть на них больно, – он неуклюже подцепил верхние снимки из коробки.

– Можно посмотреть? – протянул руку Патрик, принимая снимки. – Ой, – не смог он сдержать удивления при виде снимков Матса в больнице. Его было не узнать. Все лицо распухло от побоев. А вся голова была в синяках и шишках лилового цвета.

– Да, – Гуннар отвел глаза. – Врачи сказали, что ему повезло. Еще немного – и травмы были бы смертельными.

Сигне сморгнула слезы.

– И обидчиков так и не нашли?

– Нет. Думаете, это может иметь отношение к тому, что случилось с Матте? Это же была банда хулиганов с улицы. Он никого из этих парней не знал. Только сказал тому, кто мочился у его подъезда, не делать этого. Он их никогда не видел. Как они могли с ним такое сотворить? – В голосе Сигне появились истерические нотки.

Гуннар успокаивающе погладил ее по руке.

– Никто не знает. Полицейскому просто нужно собрать как можно больше информации.

– Это так, – ответил Патрик. – Мы не будем торопиться с выводами. Пока нам нужно узнать больше о Матсе и о его жизни. – Он повернулся к Сигне: – Ваш муж сказал, что вы были не в курсе того, была ли у Матса девушка.

– Нет, он нам никогда о таком не рассказывал. Я уже потеряла надежду на внуков, – ответила та и, осознав тяжесть сказанного, зарыдала.

Гуннар сжал руку жены.

– Мне кажется, у него кто-то был в Гётеборге, – продолжила Сигне, всхлипывая. – Он ничего мне не говорил, но я все равно почувствовала. И от его одежды пахло женскими духами. Всегда один и тот же аромат.

– Но имен он не упоминал? – спросил Патрик.

– Нет, никогда. Сколько бы Сигне его ни расспрашивала, – улыбнулся Гуннар.

– Не понимаю, почему он держал это в секрете, почему не знакомил с нами... Мы были бы с ней любезны. Мы это умеем... – Гуннар покачал головой. – Это деликатная тема, как вы понимаете.

– Как вы думаете, он продолжал видеться с этой женщиной после переезда в Фьельбаку? – продолжил Патрик.

– Ну... – Гуннар вопросительно посмотрел на Сигне.

– Нет, мне кажется, нет, – уверенно ответила та. – Матери такое чувствуют. Готова поклясться, что во Фьельбаке у него никого не было.

– А я думаю, он так и не смог забыть Энни, – вставил Гуннар.

– Да что ты говоришь? Это же было вечность назад. Они тогда были детьми.

– Неважно. Энни была особенной. Я всегда так считал. И Матте тоже... Помнишь, как он отреагировал на новость о ее возвращении?

– Но сколько им тогда было лет? Семнадцать-восемнадцать...

– Я же имею право на свою точку зрения, – выпятил подбородок Гуннар. – Он даже собирался ее навестить.

– Простите, – перебил Патрик, – но кто такая Энни?

– Энни Вестер. Они с Матте выросли вместе. Учились в одном классе. В том же, что и ваша жена, кстати.

Гуннар смутился. Но Патрика это не удивило. В Фьельбаке все знали все обо всех. А уж об Эрике тем более: ведь она стала известной писательницей.

– Она по-прежнему здесь живет?

– Нет, уехала много лет назад. Живет в Стокгольме. Они с Матте не общаются. Но у нее есть остров. Называется Грошер.

– И вы думаете, Матс туда ездил?

– Не знаю, успел ли он, – ответил Гуннар. – Но можно позвонить Энни и спросить... – Он пошел за бумажкой с номером телефона. – Вот ее мобильный. Не знаю, на сколько она приехала. Она там с сыном.

– Энни часто сюда приезжает?

– Нет, нечасто. Мы даже удивлялись этому. Но она ни разу не была здесь после отъезда в Стокгольм, а это было много лет назад. Но остров по-прежнему принадлежит ей. Он достался ей от бабушки. Братьев и сестер у нее нет. Мы помогаем ей присматривать за домом, но если срочно что-то не предпринять с маяком, он развалится.

– Маяк?

– Да, ему уже лет двести. Кроме маяка и дома, там ничего нет. Раньше в доме жил смотритель маяка с семьей.

– Видимо, там немногочисленно. – Патрик сделал глоток холодного кофе и скривился.

– Да, но там спокойно и тихо, если вы любите природу, конечно, – возразила Сигне.

– Хотя на ночь оставаться там страшновато.

– Ты же сама говорила, что все эти бабские суеверия? – сказал Гуннар.

– Какие? – заинтересованно спросил Патрик.

– В народе остров зовется Гастхольмен – Холм Духов. Поговаривают, что он получил такое имя, потому что души умерших там никогда не покидают остров, – пояснил Гуннар.

– Так там есть привидения?

– Это все болтовня, – фыркнула Сигне.

– В любом случае я позвоню Энни. Спасибо за кофе и торт и за то, что нашли силы и время для разговора со мной. – Патрик поднялся из-за стола.

– Нам было приятно, – вежливо ответила Сигне.

– Можно мне это одолжить? – спросил Хедстрём, кивая в сторону снимков. – Я вам все верну.

– Конечно, берите, – протянул снимки полицейскому Гуннар. – У нас электронная камера, так что все файлы есть в компьютере.

– Благодарю, – Патрик положил фото в сумку.

Супруги проводили его до двери. Садясь в машину, Хедстрём видел перед глазами Матса Сверина – мальчиком, подростком, мужчиной. Он подумал, что сейчас нужно взять паузу. Лучше съездить домой пообедать. И поцеловать близнецов.

* * *

– Как провел время с бабушкой? – Мелльберг тоже поехал домой обедать, и стоило ему войти в дверь, как он тут же вырвал Лео у Риты и начал подбрасывать в воздух. Лео зашелся от смеха.

– Типично. Стоит деду прийти домой, как бабушка тут же забыта, – притворно нахмурилась Рита, но подошла и расцеловала Бертиля в обе щеки.

Между Лео и Бертилем была особенная связь. Последний даже присутствовал при рождении ребенка, чему Рита была весьма рада. Но все равно она испытала облегчение, когда Бертиль вернулся на работу на полный день. Да и Пауле это было на пользу. Как бы сильно Рита ни любила своего героя, у нее не было никаких иллюзий по его поводу.

– Что у нас на обед? – Мелльберг осторожно опустил ребенка на детский стульчик и начал повязывать ему слюнявчик.

– Цыпленок с домашней сальсой – твои любимые.

Мелльберг причмокнул. За всю свою жизнь он не пробовал ничего более экзотического, чем картошка с укропом, но Рите удалось его изменить. Ее фирменная сальса была такой острой, что обжигала даже зубы, но Мелльберг ее обожал.

– Ты вчера задержался, – она поставила перед Лео тарелку с детским вариантом и протянула Бертилю ложку, чтобы он покормил ребенка.

– Да, дел у нас по горло. Паула с парнями собирают информацию, но Хедстрём попросил меня остаться в участке на случай обращений журналистов. Ты же знаешь, что никто лучше меня не умеет управляться с прессой.

Он сунул слишком большую порцию в рот Лео, и половина вывалилась обратно. Рита спрятала улыбку. Патрику снова удалось перехитрить начальника. Ей нравился Хедстрём. Он умело манипулировал людьми с помощью терпения, дипломатии и лести и мог добиться всего, чего хотел. К тем же методам приходилось прибегать и Рите, чтобы в их семейной жизни все было хорошо.

– Бедняжка. Это, наверное, тяжело, – Рита положила мужу приличную порцию.

Лео уже все скушал, и Мелльберг принялся за свою еду. Буквально через минуту он уже откинулся на спинку кресла и похлопал себя по животу.

– Было вкусно. И осталось место для десерта, правда, Лео? – Поднявшись, он направился к холодильнику.

Рита понимала, что его лучше остановить, но ей было жаль лишать его любимого лакомства. Достав из холодильника три больших мороженных, Бертиль радостно раздал их домашним. Лео было не видно из-за рожка. Если дать Бертилю свободу, мальчика скоро будет не поднять. Так что мороженое сегодня только в виде исключения.

Фьельбака, 1870 год

Она придвинулась ближе к Карлу, который спал у стены в кофте и рейтузах. Через пару часов ему нужно будет встать, чтобы заменить Юлиана на маяке. Эмили осторожно положила руку ему на бедро и погладила. Пальцы у нее дрожали. Ей было известно, что женщина не должна делать первый шаг, но почему он сам не хочет ее касаться? Более того, муж на нее даже не глядел. И не говорил с ней. Только благодарил за еду, прежде чем встать из-за стола. Все остальное время он смотрел сквозь нее, словно она была из стекла. Но чаще всего его вообще не было дома. Он либо находился на маяке, либо занимался лодкой и рыбачил в море. Она же сидела целый день одна в доме. Делать ей было совершенно нечего. Работа по дому и готовка занимали пару часов, а все оставшееся время Эмили сидела и сходила с ума от скуки. Если бы у нее был ребенок, ей было бы чем заняться. Ее бы так не беспокоило то обстоятельство, что Карл работает с утра до вечера и вообще с ней не разговаривает. Если бы у нее только был ребенок...

Но как она знала из жизни в деревне, женщина и мужчина должны сначала сделать некоторые вещи, чтобы у них появился ребенок. А ничего подобного они с Карлом не делали. Вот почему ее рука сейчас гладила Карла по бедру, совсем рядом с чреслами. С бешено бьющимся от волнения и возбуждения сердцем она заставила пальцы проникнуть в гульфик...

Карл резко открыл глаза и сел на постели.

– Что ты вытворяешь? – спросил он с темными от злобы глазами, отбрасывая ее руку.

– Я... я только хотела... – не могла найти слов Эмели.

Как можно объяснить очевидное? То, что должно было быть очевидным и дня него тоже. Это ведь странно, что они женаты почти три месяца, а ни разу даже не поцеловались. На глаза набежали слезы.

– Я буду спать на маяке, раз в доме мне нет покоя. – Карл протиснулся мимо нее в постели, вскочил, нацепил одежду и бросился прочь из дома.

Его бегство было как пощечина для Эмели. Никогда раньше он не говорил с ней в таком тоне – жестко, грубо, с презрением. И не смотрел на нее так, словно она была отвратительным насекомым, забравшимся к нему в постель.

С залитым слезами лицом Эмели подошла к окну и выглянула наружу. День выдался ветреный, и Карл, борясь с ветром, направлялся к маяку. Она видела, как он вошел в маяк и поднялся наверх, где уже горел свет. Эмели вернулась в постель и разрыдалась. Дом сотрясало от ветра. Казалось, ветер вот-вот подхватит крошечный домик и унесет в никуда. Но это Эмели не пугало. Она предпочла быть где угодно, только не здесь.

Внезапно ей показалось, что ее погладили по щеке. Эмели вздрогнула и открыла глаза. В комнате никого не было. Она натянула одеяло до подбородка и уставилась в темноту комнаты. Наверное, ей показалось. С момента приезда на остров она постоянно слышала странные звуки и замечала странные вещи. Дверцы шкафов были открыты, хотя она точно помнила, что запирала их. Сахарница, стоявшая на кухонном столе, вдруг оказывалась на стойке. Наверное, все это игра ее воображения. От одиночества и скуки у нее начались галлюцинации.

На первом этаже скрипнул стул. Эмели затаила дыхание. Слова старухи, которые она заставила себя забыть, снова прозвучали у нее в голове. Нет, она не пойдет вниз проверять. Она не хочет знать, что происходит в доме, не хочет знать, кто издает все эти звуки и кто только что гладил ее по щеке. Эмели залезла с головой под одеяло, спрятавшись, как ребенок, от всех страхов. Так она и пролежала до рассвета. Больше никаких странных звуков не было.

– Что думаешь? – спросила Паула Йосту. Они купили обед в «Консуме», решив пообедать в участке.

– Что-то странно все это, – сказал Йоста, приступая к рыбному гратену. – Никто ничего не знает о его личной жизни. И при этом все отзываются о нем как о приятном, открытом и общительном парне... Что-то тут не вяжется.

– У меня такое же ощущение. Как можно так тщательно скрывать свою личную жизнь? Что-то же он должен был рассказать за кофе или обедом?

– Ну, ты у нас тоже неразговорчивая.

Паула покраснела.

– Тут ты прав. Но именно об этом я и говорю. Я раньше молчала, потому что не хотела, чтобы правда выплыла наружу. Я не знала, как вы отреагируете, узнав, что я живу вместе с женщиной. Так что остается вопрос – что хотел скрыть от других Матс Сверин?

– Придется нам это выяснить.

Паула почувствовала, как о ее ноги трется что-то мягкое. Это пес Мелльберга Эрнст учуял еду и с надеждой ластился.

– Прости, парень, но здесь тебе ничего не перепадет. У меня только салат.

Однако Эрнст продолжал умоляюще смотреть на нее. Паула поняла, что ему нужны доказательства, иначе от него не отвяжется. Взяв листик салата из тарелки, она поднесла его к носу собаки. Эрнст радостно замахал хвостом, но, приняв хвост, бросил на нее разочарованный взгляд и демонстративно повернулся к Пауле задом. После чего напрямик направился к Йосту, который как раз тянулся за печеньем.

– Подумай, прежде чем кормить его, – предупредила Паула. – Он растолстеет и заболит, если вы с Бертилем продолжите его раскармливать. Если бы мама не выгуливала его как сумасшедшая, он уже давно подох бы от ожирения...

– Я знаю, но он так жалобно смотрит...

– Хм, – Паула строго взглянула на Йосту.

– Будем надеяться, что Мартину или Патрику удастся что-то выяснить, – сменил тему Йоста. – А то у нас день прошел впустую.

– Ну, я бы так не говорила. – Паула сделала паузу и продолжила: – Это все так ужасно. Быть застреленным в собственной квартире... А еще говорят, мой дом – моя крепость...

– Думаю, он знал убийцу. Дверь не взломана, значит, Матс сам впустил его.

– Еще хуже, – прокомментировала Паула. – Быть убитым кем-то из друзей и знакомых...

– Необязательно знакомым. В газетах много пишут о преступниках, которые звонят в дверь и просят позвонить, а потом убивают хозяев и забирают все ценности. – Йоста закончил с рыбным gratenom.

– Но обычно они выбирают в жертву пожилых людей. А Матс был относительно молодым и крепким мужчиной.

– Тут ты права. Но нельзя ничего исключать.

– Подождем Патрика с Мартином: посмотрим, что они раздобыли. – Отложив вилку, Паула поднялась из-за стола. – Кофе?

– Спасибо, – поблагодарил Йоста. Он скормил еще одно печенье Эрнсту, за что тот благодарно облизнул ему ладонь.

* * *

– Как раз то, что мне нужно, – застонал Эрлинг, растянувшийся на койке. Пальцы Вивиан привычно разминали уставшие мышцы, и он чувствовал, как все его тело начинает расслабляться. Все-таки ответственность тяжелым грузом давила ему на плечи.

– Это такой массаж мы предложим нашим клиентам? – спросил он в подушку.

– Это классический массаж. Помимо него, мы предлагаем тайский массаж и массаж горячими камнями. Можно выбрать массаж всего тела или массаж спины. – Вивиан продолжала массировать, разговаривая с ним низким, успокаивающим тоном.

– Восхитительно, восхитительно...

– И это только основные услуги. Еще у нас целый ряд специальных предложений: скраб с солью и водорослями, светотерапия, маски с морской грязью и так далее. У нас есть всё. Но ты ведь и так все знаешь из проспектов.

– Да, но твой голос – как музыка для ушей... А персонал? Все на месте?

Сознание его начинало затуманиваться от массажа, приглушенного света и гипнотизирующего голоса Вивиан.

– Обучение почти закончено. Я взяла это на себя. У нас прекрасные сотрудники: молодые, талантливые, амбициозные.

– Восхитительно, восхитительно, – довольно вздохнул Эрлинг. – Нас ждет успех, я чувствую!

Вивиан нажала на чувствительную точку, и Эрлинг скривился от боли.

– У тебя тут напряжено, – сообщила она, продолжая массировать болезненное место.

– Больно! – пожаловался Эрлинг. Сон как рукой сняло.

– Боль изгоняют при помощи боли. – Вивиан надавила еще сильнее. Эрлинг заскулил. – Как ты ужасно напряжен.

– Это все из-за Матса, – выдавил Эрлинг; от боли слезы набежали на глаза. – Полицейские приходили в офис, задавали вопросы... Все это так ужасно!

Вивиан замерла.

– Что они спрашивали?

Воспользовавшись паузой, Эрлинг сделал глубокий вдох.

– Ну, они задавали общие вопросы: каким Матс был коллегой, что нам о нем было известно, усердно ли он работал...

– И что ты ответил? – вернулась к работе Вивиан.

Слава богу, больное место она оставила в покое.

– А что я мог ответить? Матс был замкнутым. Мы не успели его узнать. Но я просматривал его бухгалтерские книги и должен тебе сказать, в документах у него был полный порядок. Так что мне не составит проблем вести дела, пока мы не найдем ему замену.

– Конечно, у тебя все получится.

Теперь Вивиан массировала ему затылок и делала это так чувственно, что у Эрлинга по коже побежали мурашки от удовольствия.

– Так он не оставил незавершенных дел?

– Насколько я вижу, нет...

Эрлинг снова погрузился в блаженно-расслабленное состояние. Пальцы Вивиан продолжали творить волшебство.

* * *

Дан сидел за столом на кухне и смотрел в окно. В доме было тихо. Дети были в школе и в саду. Он вернулся на работу, но сегодня у него был выходной. О чем он уже сожалел. Дан предпочел бы работать. В последнее время он чувствовал себя хорошо только на работе. Стоило собраться домой, как у него начинал болеть живот. И неудивительно: весь дом напоминал ему об утрате. Не только ребенка, но и той жизни, которая у них когда-то была. У него даже появились мысли о том, что назад пути нет, что все утеряно безвозвратно. Они приводили Дана в отчаяние. Он просто не знал, что делать. Это было совсем на него не похоже. Никогда раньше Дан не чувствовал себя таким беспомощным, и он ненавидел это чувство.

Его сердце обливалось кровью из-за Эммы и Адриана. Им еще сложнее, чем ему, было понять, почему мама целыми днями лежит в кровати, отказывается с ними играть, разговаривать, смотреть рисунки, которые они нарисовали, не целует их и не обнимает. Они, конечно, знают, что мама попала в аварию и что братик их отправился на небо. Но они не в силах понять, почему она только лежит и смотрит в окно. И он им маму не заменит. Дети любят Дана, но мама есть мама. С каждым днем Эмма становится все более замкнутой, а Адриан – агрессивным. Дети реагируют на ситуацию по-разному. Дану только что позвонили из сада и сообщили, что он укусил одного ребенка и ударил другого. А учительница Эммы позвонила и рассказала, что если раньше девочка всегда активно работала на уроках, то теперь только сидит и молчит. Но что он может сделать?

Детям нужна Анна, а не он. Своих-то трех дочек Дан знал, как утешить. Они обнимали его, задавали вопросы. Конечно, им тоже было грустно, но совсем не так, как Эмме и Адриану. К тому же они жили неделю у него, неделю – у его бывшей жены Перниллы, так что в их жизни было что-то еще, кроме семейного горя Дана и Анны. Пернилла оказала ему неоценимую поддержку. Развод не был безболезненным, но после аварии она всячески помогала Дану. Во многом благодаря ей Лисен, Белинда и Малин так легко перенесли случившееся. Но у Эммы и Адриана не было никого, кроме него. Эрика пыталась помочь, но у нее самой дел по горло с новорожденными близнецами. Дан поражался, как она вообще еще успевает к ним заглядывать. Так что им с Эммой и Адрианом оставалось только ждать и смотреть, что с Анной будет дальше.

Порой ему казалось, что жена так и проведет остаток жизни в постели, глядя в окно. Дни превратятся в недели, недели – в месяцы, а она так и будет лежать, пока не состарится и не умрет. Дан знал, что преувеличивает, но ничего не мог поделать с мрачными мыслями. Врачи заверяли его, что депрессия со временем пройдет, что ей просто нужно время. Но Дану сложно было им поверить. Прошло уже несколько месяцев с момента аварии, а Анна продолжала отдаляться от него.

За окном синички клевали из кормушек, которые девочки развесили на деревьях. Дан позавидовал их беззаботной жизни. У птиц нет других хлопот, кроме как есть, спать и размножаться. Нет чувств, нет сложных жизненных ситуаций. Нет горя.

Ему вспомнился Матте. Эрика позвонила и рассказала о случившемся. Дан хорошо знал родителей Матса. Они часто встречались в гавани с Гуннаром, и тот всегда с гордостью отзывался о своем сыне. К тому же Матс учился в одном классе с Эрикой, а Дан – в параллельном, но в школе они не общались. Можно только представить, что сейчас переживают Гуннар и Сигне. Мысли о них заставили Дана посмотреть на собственную ситуацию с другой стороны. Если так больно потерять новорожденного ребенка, которого ты еще не успел узнать, то каково это – потерять сына, который вырос на твоих глазах?

Синички вспорхнули и улетели. Не вместе, они разлетелись во все стороны света. И вскоре Дан понял почему: соседская кошка незаметно подкралась и устроилась под деревом, выслеживая добычу. Но птички оказались хитрее. Дан поднялся. Нечего протирать штаны. Нужно попытаться еще раз поговорить с Анной. Сделать все возможное, чтобы вернуть ей интерес к жизни.

* * *

– Как все прошло, Мартин? – Патрик откинулся на спинку стула. Они снова собрались в кухне, чтобы обменяться новостями.

Мартин покачал головой.

– Не слишком хорошо. Я застал большинство соседей дома, но никто ничего не слышал и не видел. Кроме разве что... – заколебался он.

– Да? – спросил Патрик. Взгляды всех обратились к Мартину.

– Не знаю, стоит ли это нашего внимания. У ближайшего соседа не все в порядке с головой.

– Расскажи подробнее.

– Старика зовут Грип. Он живет на том же этаже. Но, похоже, не в себе, – Мартин pokrutil у виска, – и у него дома живет с десяток кошек, и... – он сделал глубокий вдох, – он говорит, что одна из его кошек видела машину в субботу ранним утром... видимо, в то же время, когда сосед Леандерссон проснулся от звука выстрела.

– Кошка видела машину? – фыркнул Йоста.

– Тихо, – оборвал его Патрик. – Продолжай. Что он еще сказал?

– Только это. Его нельзя серьезно воспринимать. Старик совсем больной на голову.

– Дети и умалишенные зачастую говорят правду, – пробормотала Анника.

Мартин пожал плечами:

– Это все, что мне удалось узнать.

– Спасибо за работу, – поблагодарил Патрик. – Я знаю, это нелегко – опрашивать соседей. Люди всегда видят или больше, или меньше, чем нужно.

– Да, от таких свидетелей одна морока, – пробормотал Йоста.

– А у вас как дела? – Патрик повернулся к нему с Паулой.

Последняя покачала головой:

– У нас тоже немного, извини. Если верить коллегам, у Матса Сверина вообще не было никакой личной жизни. Никто ничего о нем не знал. Он не говорил ни о хобби, ни о друзьях, ни о женщинах. Но, несмотря на это, все отзываются о нем как о приятном и открытом человеке. Что-то тут не вяжется.

– Сверин что-нибудь рассказывал коллегам о жизни в Гётеборге?

– Ничего, – покачал головой Йоста. – Как сказала Паула, он вообще ни о чем не говорил с коллегами, кроме общих предметов.

– Они знали об избиении? – Патрик встал и подлил всем кофе.

– Нет, – ответила Паула. – Матс сочинил историю о том, что упал с велосипеда и попал в больницу. Этим он объяснил шрамы на лице.

– А как он справлялся с работой? Были проблемы? – поинтересовался Патрик.

– Судя по всему, он был отличным работником. В коммуне им все были довольны. Они говорят, что им повезло нанять такого опытного кандидата, да еще и знакомого с этими местами. – Йоста поднес кружку ко рту и чуть не обжег язык. – Черт!

– Значит, никаких зацепок?

– Нет, – неохотно ответила Паула.

– Ну что ж... будем довольствоваться этим. Или придется снова их навестить. Я ездил говорить с родителями Матса. Но тоже без особой пользы. Даже родителям он ничего не рассказывал о своей жизни. Но, по крайней мере, я узнал, что его бывшая девушка сейчас находится на Грошере. Гуннар, отец Матса, считает, что сын собирался поехать ее навестить. Я с ней свяжусь. – Патрик выложил фото на стол и добавил: – И еще я раздобыл вот это.

– Боже милостивый! – воскликнул Мелльберг. – Как же сильно его избили!

Фото передавали из рук в руки.

– Да, судя по снимкам, это было очень жестокое нападение. Здесь необязательно есть связь с убийством, но я считаю, что нужно затребовать медицинские отчеты и поговорить с гётеборгскими полицейскими. Я бы еще пообщался с коллегами с его предыдущего места работы. Оказывается, он работал в организации, которая помогала женщинам, ставшим жертвами насилия. Может, там кроется мотив преступления? Думаю, мне стоит отправиться в Гётеборг.

– Ты уверен? – спросил Мелльберг. – Ничто не говорит о том, что его застрелили из-за того происшествия в Гётеборге. Скорее это какие-то местные разборки.

– Учитывая, что мы вообще не располагаем никакой информацией о личной жизни жертвы, я считаю, что эта поездка необходима.

Мелльберг нахмурился. Видно было, что ему нелегко принять решение.

– Хорошо, договорились, – сказал он под конец. – Но постарайся что-нибудь разнюхать. Путь неблизкий.

– Приложу все усилия. Я возьму с собой Паулу.

– А мы чем займемся? – поинтересовался Мартин.

– Вы с Анникой проверьте официальную информацию по Сверину. Тайный брак? Развод? Дети? Имущество? Привлекался ли к уголовной ответственности? Все, что найдете.

– Думаю, мы справимся, – Анника посмотрела на Мартина.

– А ты, Йоста... – задумался Патрик. – Позвони Турбьёрну и спроси, можно ли нам зайти в квартиру Сверина. И спроси, когда будут результаты анализов. Они нужны нам как можно скорее.

– Хорошо, – ответил Йоста без особого энтузиазма.

– Бертиль? Ты будешь отваживать журналистов, о'кей?

– Конечно, – выпрямился Мелльберг. – Я готов к атаке.

– Хорошо, тогда до завтра. – Патрик поднялся, показывая, что собрание закончено. Он смертельно устал.

* * *

Энни резко проснулась. Что-то ее разбудило. Прикорнув на диване, она увидела во сне Матте. Во сне она снова ощутила тепло его тела рядом с собой, над собой, внутри себя; услышала его голос, ничуть не изменившийся, увидела его постаревшее лицо. Но все же прошлое нельзя вернуть назад. Матте любил ту прежнюю Энни, какой она была когда-то. Новая Энни его не устраивала. Энни больше не сотрясала дрожь. Боль в суставах прошла. Но ощущение тревоги – нет. Она вынуждена была мерить дом шагами под удивленными взглядами Сэма.

Что привело ее к такой жизни? Тогда за кухонным столом она доверилась ему, рассказала то, что боялась произносить вслух. Но она рассказала ему не всю правду, не найдя в себе сил рассказать о самых странных унижениях, о вещах, которые она вынуждена была делать против собственной воли. Нет, той прежней Энни нет, она изменилась. Матте понял это, понял, как сильно она прогнила изнутри...

Энни резко села. Ей стало трудно дышать. Прижав колени к груди, она обхватила их руками. В доме было очень тихо. Но внезапно она услышала, как что-то мягко шлепнулось на пол. Энни подняла глаза. Мячик, мячик Сэма медленно катился к ней по полу. Сэм ни разу не играл с тех пор, как они прибыли на остров. Когда же к нему вернется желание играть? С замиранием сердца Энни повернулась. Дверь в комнату Сэма справа от нее была закрыта. Мячик же прикатился из кухни слева. Энни медленно поднялась и вышла в кухню. На мгновение ее напугали тени у стен и потолка, но чувство страха исчезло так же быстро, как появилось. На душе стало спокойно и легко. Никто здесь не желает ей зла. Она это чувствовала, хоть и не знала почему.

Из темного угла кухни раздался смех. Энни посмотрела туда и уловила его очертания. Мальчик. Но прежде чем женщина успела его рассмотреть, он бросился к входной двери. Энни не раздумывая последовала за ним. Она распахнула дверь навстречу холодному ветру. Чувствуя, что мальчик хочет ей что-то показать, она выбежала из дома. Мальчик бежал по направлению к маяку, то и дело оборачиваясь, чтобы убедиться, что она следует за ним. Ветер трепал его светлые волосы. Тот же ветер, с которым она боролась, пытаясь нагнать ребенка. Тяжелая дверь маяка поддавалась с трудом, но именно туда забежал мальчик, и ей нужно было за ним. Энни взлетела по крутой лестнице. Ей слышно было, как мальчик смеется наверху. Но добежав до круглой комнаты наверху, она никого там не нашла. Мальчик исчез.

* * *

– Как дела на работе? – поинтересовалась Эрика, прижимаясь к Патрику на диване.

Сегодня муж успел домой к ужину. Поев, они уложили детей и устроились в гостиной на диване. Зевнув, Эрика вытянула ноги и положила на диванный столик.

– Устала? – спросил Патрик, поглаживая супругу по руке. Взгляд его был прикован к экрану.

– До смерти.

– Тогда ложись, милая, – поцеловал он ее в щеку, не отрываясь от экрана.

– Надо бы, но что-то не хочется. – Эрика посмотрела на мужа. – Мне не хватает взрослого времяпрепровождения – мужа и вечерних новостей, а то в моей жизни одно агуканье и грязные подгузники.

Патрик отвлекся от экрана:

– Все хорошо?

– Да, с ними полегче, чем с Майей. Но даже хорошего бывает чересчур много.

– Осенью я буду тебе больше помогать, чтобы ты могла сосредоточиться на книгах.

– Да, и еще у нас будет отпуск. Просто день сегодня выдался тяжелый. И то, что случилось с Матте, так ужасно... Я плохо его знала, но ведь мы учились в одном классе. В младшей и средней школе... – Эрика вздохнула. – Как идет расследование? Ты так мне ничего и не рассказал.

– Ни шатко, ни валко. Мы опросили его родителей и коллег, но никто ничего толком не мог сказать. Этот Матс был очень замкнутым человеком. Одно из двух: либо он был редкостным занудой, либо...

– Либо?

– Либо ему было что скрывать.

– В школе он занудой не был. Очень общительный, открытый. Матс пользовался популярностью у девочек. Он производил впечатление парня, которому удастся все, за что бы он ни взялся.

– Так ты и его первую девушку тоже знала?

– Энни, да, но... – Эрика подыскивала слова. – Но она была странная. Не от мира сего. Не пойми меня неправильно. Она нравилась мальчикам, и в этом смысле они с Матсом были идеальной парой. Но у меня всегда было ощущение... что она его использует. Рядом с Энни Матс был как щенок, всегда готовый вилять хвостом ради капельки внимания.

Так что никто не удивился, когда она решила бросить Матса и уехать в Стокгольм. Его сердце, естественно, было разбито. Но, думаю, другого он и не ждал. Такую девушку, как Энни, очень трудно было удержать. Ты понимаешь, что я имею в виду, или я выражаюсь слишком туманно?

– Приблизительно.

– Почему ты спрашиваешь об Энни? Они встречались в гимназии, а это было целую вечность назад, как бы мне ни хотелось все это забыть...

– Энни здесь.

Эрика удивленно взглянула на мужа.

– Во Фьельбаке? Она же здесь тысячу лет не была.

– Нет, но родители Матса сказали, что она с сыном на принадлежащем ей острове в шхерах.

– Гастхольмен?

Патрик кивнул.

– Так его называют. Но вроде у него есть другое название.

– Грошер, – подсказала Эрика. – Но никто его в этих местах не зовет иначе как Гастхольмен. Говорят, души умерших...

– ...никогда не покидают остров, – с улыбкой закончил Патрик. – Наслышан я о ваших суевериях.

– Откуда ты знаешь, суеверие это или нет? Мы однажды провели там ночь, и полкласса потом утверждали, что видели привидения. Это, скажу я тебе, очень странный остров. Уверена, никто из нас ни за что на свете не согласился бы провести там еще одну ночь.

– Это все подростковые фантазии.

Эрика ткнула его локтем в бок.

– Не будь занудой. Призраки существуют.

– Конечно. В любом случае я должен пообщаться с этой Энни. Родители Матса сказали, что он собирался ее навестить. Есть шанс, что он делился с ней какими-то подробностями своей личной жизни.

– Я поеду с тобой, – заявила Эрика. – Скажи, когда поедешь, я попрошу твою маму присмотреть за детьми. Энни тебя не знает, – добавила она, опережая протесты мужа, – а мы с ней учились в одном классе. Со мной она не откажется поговорить.

– Хорошо, – неохотно согласился Патрик. – Но завтра утром мне нужно в Гётеборг, так что, наверное, в пятницу.

– Договорились, – сказала Эрика, обнимая мужа.

Фьельбака, 1870 год

– Вкусно было? – задала свой обычный вопрос Эмели, хотя ответ был всегда одним и тем же: кивок Карла и хмыканье Юлиана. Меню на острове, конечно, однообразное, но это же не ее вина. Ели они в основном рыбу, пойманную Карлом и Юлианом, – макрель и камбалу. С собой в деревню мужчины Эмели не брали, хотя сами ездили пару раз в месяц, поэтому закупить еды толком тоже никто не мог.

– Карл, я хотела спросить... – Эмели отложила вилку, так и не притронувшись к еде, – можно мне поехать с вами в Фьельбаку? Я давно не видела людей, и мне доставило бы большую радость снова очутиться на материке.

– Это исключено, – Юлиан наградил ее злобным взглядом.

– Я обращаюсь к Карлу, – спокойным голосом ответила Эмели, не подавая виду, как ей страшно на самом деле. Впервые она осмелилась сказать слово против мужчины.

Фыркнув, Юлиан повернулся к Карлу:

– Ты слышал? Почему я должен терпеть такое от твоей бабы?

Карл, не поднимая глаз от тарелки, ответил:

– Мы не можем взять тебя с собой, – давая понять, что разговор окончен.

Но Эмели, не в силах больше терпеть одиночество, не сдавалась:

– Почему нет? В лодке есть место. Я могла бы сделать покупки. А то мы едим одну макрель с картошкой. Что плохого в моей поездке?

Юлиан аж побелел от злости. Взгляд его был прикован к Карлу, который поднялся из-за стола со словами:

– Ты с нами не поедешь. Разговор окончен.

Натянув куртку, он выскочил наружу. Дверь захлопнулась. С той ночи, когда Эмели попыталась прикоснуться к нему, Карл обращался с ней как с ничтожеством. Равнодушие сменялось отвращением, похожим на отвращение, которое испытывал к ней Юлиан. Эмели поняла, что сделала не так и чем навлекла на себя их гнев. Неужели один ее вид внушал им отвращение? Неужели она такая уродливая, такая жалкая? Эмели вспомнила, как он просил ее руки. Да, все происходило в спешке, но ведь в его голосе были тепло и нежность, разве нет?

– Смотри, что ты натворила, – швырнул приборы на стул Юлиан.

– Почему ты так со мной обращаешься? Что я тебе сделала? – Эмели сама удивилась тому, откуда у нее взялось мужество высказать все то, что у нее так долго было на сердце.

Юлиан ничего не ответил. Только смерил ее презрительным взглядом черных глаз, встал и вышел вслед за Карлом.

На самом деле Эмели подозревала, почему ее не берут собой. Жене не место в пивной у Абея, куда мужчины непременно заходили. Поразительно, но они всегда успевали к сумеркам, когда надо было зажигать маяк.

Хлопнула дверца шкафа, и Эмели подпрыгнула на месте. Странно. Входная дверь закрыта, откуда взяться сквозняку? Она замерла и вслушалась в тишину дома. Ни звука. Кроме нее, в доме никого не было. И все же, тщательно прислушавшись, она различила его – звук мерного дыхания, – но непонятно было, откуда он исходит. Словно дышал сам дом. Внезапно звук прекратился, и дом снова погрузился в тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.